

Алексей Ракитин

СМЕРТЬ КОМПОЗИТОРА

Хроника подлинного расследования

Алексей Ракитин

**Смерть композитора. Хроника
подлинного расследования**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Смерть композитора. Хроника подлинного расследования /
А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981480-7

Книга посвящена истории жизни и трагической смерти известного советского композитора-песенника Владимира Ивасюка, трагически погибшего весной 1979 г. в возрасте 30 лет. Тщательно анализируя материалы подлинного уголовного дела, автор вскрывает обстоятельства ухода из жизни талантливого композитора и скрытую логику таинственных событий тех дней.

ISBN 978-5-44-981480-7

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Труп в Брюховичском лесу	6
Судебно-медицинская экспертиза	18
Госпитализация 1977 года	27
«Он шёл в направлении автобусной станции (...)»	38
«...Обратилась в Управление КГБ и попросила подтвердить причины смерти сына.»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Смерть композитора Хроника подлинного расследования

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2020

ISBN 978-5-4498-1480-7

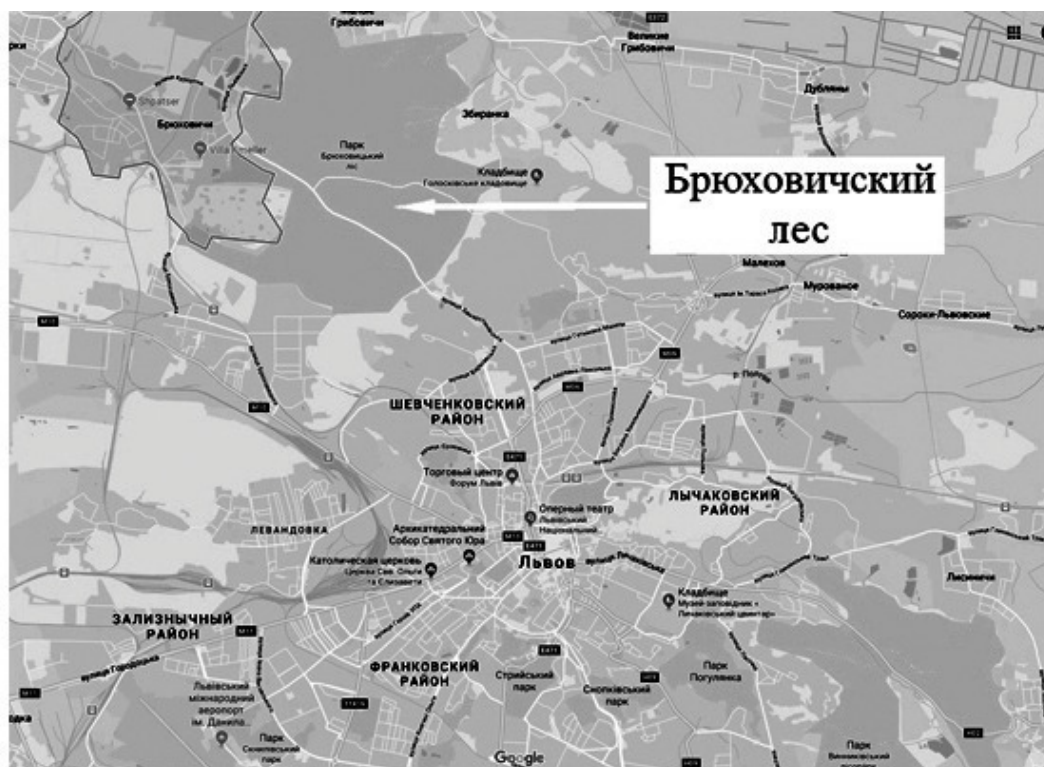
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Труп в Брюховичском лесу

18 мая 1979 г около 11 часов утра в северной части г. Львова, в т. н. Брюховичском лесу, был обнаружен труп повешенного на ветке дерева мужчины. В постановлении о возбуждении уголовного дела, подписанном районным прокурором Шевченковского района г. Львова С. Крикливцем и датированном тем же 18 мая, сообщается, что труп обнаружил «солдат воинской части» при проведении соревнований. На самом деле никаких соревнований тогда в Брюховичском лесу не проводилось, спустя более 30 лет военнослужащий, обнаруживший тело, рассказал в одном из интервью, что приехал в лес с группой сослуживцев для тренировки по спортивному ориентированию, но все эти детали в контексте данной истории значения не имеют.

Просто отметим, что утром 18 мая был обнаружен висящий в петле на ветке дерева мужской труп и в тот же день возбуждено уголовное расследование. Его проведение было поручено следователю Шевченковской районной прокуратуры Рябушко.

Чтобы более не возвращаться к географическим деталям и вопросу о транспортной доступности места обнаружения трупа, отметим, что так называемый «Брюховичский лес» – лес довольно относительный. Это зелёный массив в черте г. Львова, областного центра на западе Украины, в северной части Шевченковского района. Это отнюдь не граница города, за «лесом» следует посёлок Брюховичи, который в 1957 г был включён в границы областного центра. От «Брюховичского леса» до центра Львова совсем недалеко – примерно 5—6 км – т.е. никакого транспорта не надо для того, чтобы оказаться в самой гуще городской жизни. Один час сноровистого шага – и ты среди людей.

Карта Львова с указанием месторасположения т.н. «Брюховичского леса». На момент описываемых событий эта зелёная зона уже более двух десятилетий входила в административную границу областного центра и считать её настоящим диким лесом вряд ли можно – там было много дорожек, тропинок, гуляли люди, летом там открывался пионерский лагерь, в общем – это скорее парковая зона.

Как глубоко в лесу находилось место обнаружения трупа? Из протокола осмотра мы знаем, что «на расстоянии 80 метров от дороги, ведущей от пионерлагеря „Юность“ посёлка Брюховичи и на расстоянии 26 метров от тропинки, соединяющейся с указанной просёлочной дорогой». Как видим, довольно далеко! Известны воспоминания людей, видевших тело повешенного в петле, либо побывавших на этом месте в скором времени после того, как о трагедии стало известно. Все они всхожих словах говорят о том, что идти к дереву было неудобно, местность была всхолмленной и место повешения невозможно было увидеть с тропинки.

С точки зрения обывательской, повешенный выглядел довольно необычно. Строго говоря, он вообще не висел – ноги его касались земли.

Слова «повешение» и «висельник» родственны по смыслу слову «висение», поэтому у большинства людей этот способ смерти ассоциируется с затягиванием петли вокруг шеи под действием силы тяжести на некоторой высоте, превышающей человеческий рост. Представление это совершенно неверно – огромное количество людей умудряются повеситься сидя и даже лёжа. Например, сидя на полу повесился известный американский актёр Дэвид Кэррэдайн (David Carradine), при этом верёвка оказалась привязана к дверной ручке, т.е. заведомо ниже человеческого роста.

Поэтому обывательская точка зрения, которую условно можно назвать «здравым смыслом», в данном случае не только не помогает правильно понять картину произошедшего, но напротив, вносит своеобразную аберрацию, т.е. искажение восприятия. Как мы увидим из дальнейшего, в этом довольно простом и даже очевидном деле окажется много такого рода абберраций, вызванных ошибочными суждениями людей либо заблуждающихся добросовестно, либо умышленно вводящих в заблуждение других.

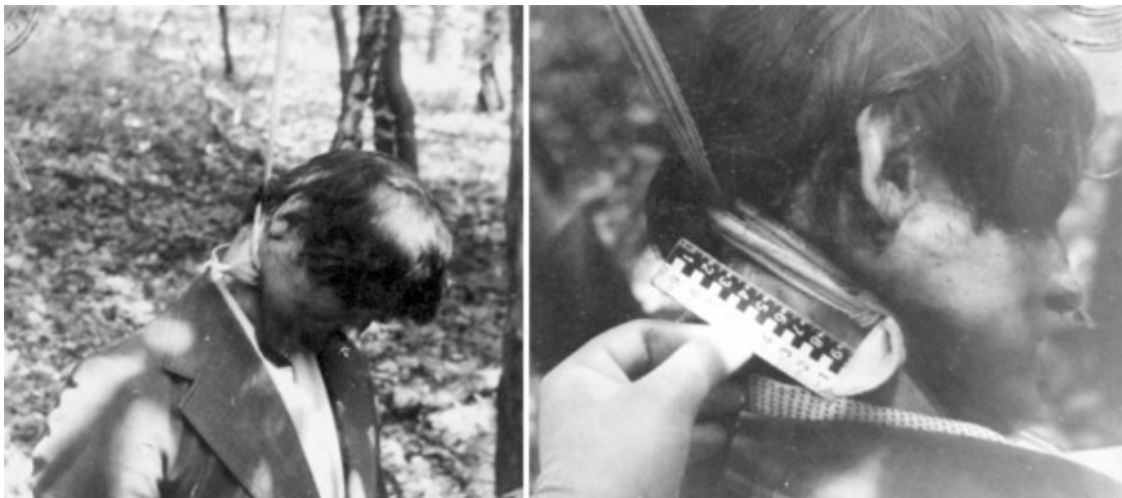
Эти фотографии из уголовного дела, принятого к производству следователем Рябушко, позволяют составить представление о положении тела повешенного.

Именно наслоение разнообразных легенд, придумок и заблуждений придали произошедшей трагедии элементы мнимой загадочности, которая моментально исчезает при внимательном ознакомлении с документами.

Петля оказалась изготовлена из пояса плаща, лежавшего в сложенном виде рядом с телом, точнее, на удалении около 70 см позади. Плащ оказался уложен под небольшим портфелем. Остаётся добавить, что расстояние от узла за правым ухом повешенного до крепления пояса к ветке составляла 75 см.

Укажем ещё некоторые величины, которые, как увидим из дальнейшего, будут иметь значение для правильного понимания картины произошедшего. Когда тело находилось в петле, высота места привязывания пояса к ветке бука составляла 205 см. После снятия тела дерево распрямилось и эта высота увеличилась до 233 см, т.е. под весом тела повешенного ветка про-

села на 28 см. Ветка, на которой был повешен неизвестный, образовывала своеобразную арку, т.е. от ствола по дуге опускалась вниз и достигала земли.

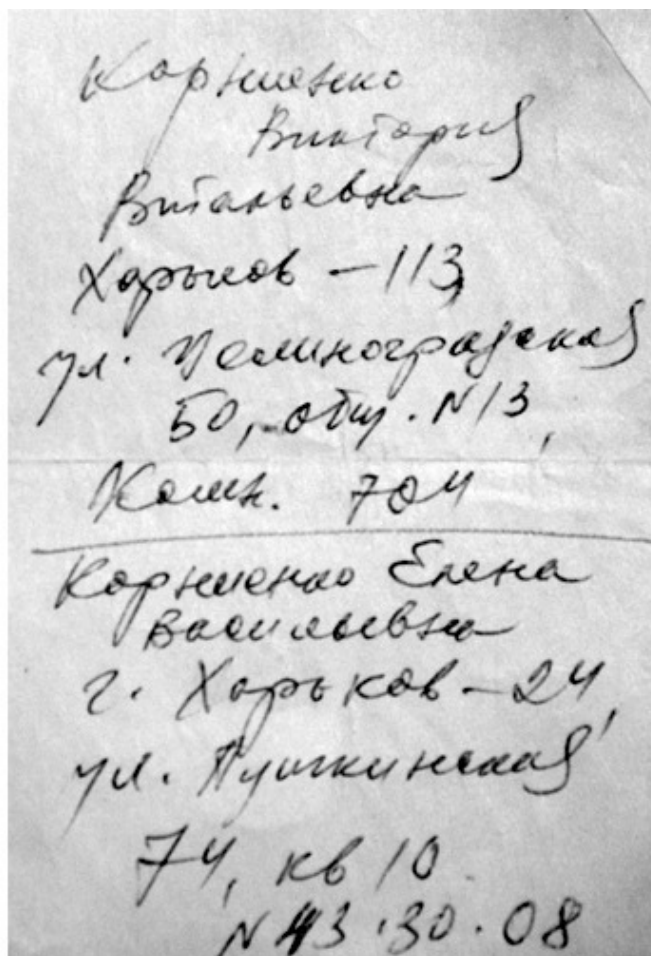

Детальные фотоснимки положения петли на шее повешенного.

В карманах повешенного найдены:

- белый платок с рисунком из зеленых квадратов, сложенный вчетверо;
- белая пластмассовая расчёска длиной 18 см;
- карманный календарик на 1979 г с изображением актрисы Галины Демчук;
- пачка сигарет «Космос» с 6 сигаретами.
- наличные деньги в сумме 4 руб. (банкноты достоинством 3 руб. и 1 руб.);
- значок «Львів, Львів» и числом 1256.

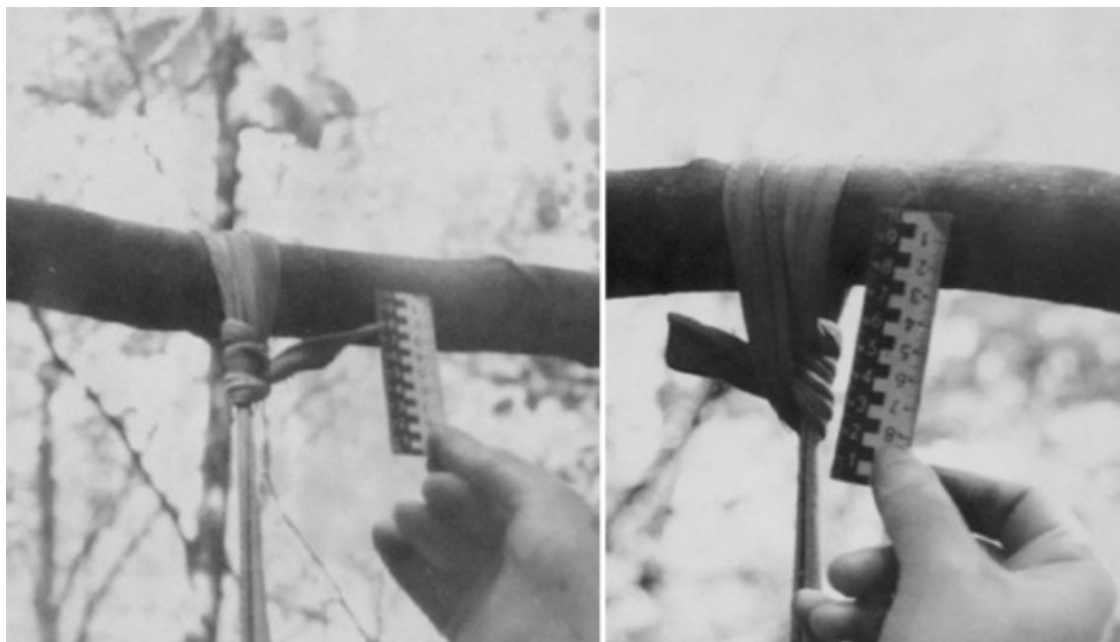
– листок бумаги размером 7,5*10 см с надписью на одной стороне: «Корниенко Виктория Витальевна Харьков-113 ул. Целиноградская, 50, общ. №13, комн. 704 (подчёркнуто) Корниенко Елена Васильевна г. Харьков-24, ул. Пушкинская 74, кв.10 №43 30 08»

Записка с харьковскими адресами Корниенко В. В. и Корниенко Е. В., обнаруженная во внутреннем боковом кармане пиджака неизвестного мужчины, найденного повешенным в Брюховичском лесу 18 мая 1979 г.

На левой руке неизвестного оказались часы «orient» которые остановились в 12:50, на их календаре указаны «Fri» (т.е. «friday» – пятница) и «27». В апреле 1979 г 27 число приходилось на пятницу.

Что важно – одежда на погибшем оказалась без сколько-нибудь значительных повреждений. Данная деталь прямо указана в «Протоколе осмотра места происшествия». В дальнейшем был проведён детальный осмотр одежды и обуви с их фотографированием, из которого также следует, что никаких следов, указывающих на приложение грубой силы (разрывов, надрывов, отверстий, крови, грязи и пр.), на одежде нет.

Фотографии узла на ветке дерева. Левая фотография сделана неправильно – луч зрения фотографа направлен снизу вверх, что искажает восприятие мерной линейки, приложенной к узлу. Фотограф исправился и второй снимок сделал правильно – перпендикулярно линейке. Интересная деталь – в деле сохранены обе фотографии, хотя ту, что слева, вполне можно было не печатать и не приобщать. Однако её напечатали и вклеили. По мнению автора, существует единственное объяснение почему это было сделано: следователь Рябушко с самого начала понимал, что расследование войдёт в историю, а потому решил не отбрасывать свидетельства, которые возможно представят интерес в будущем.

«Протокол осмотра места происшествия» интересен ещё и тем, что в нём описаны осаднения кожи на предплечьях и голени погибшего. Эти же самые повреждения будут упомянуты и в протоколе вскрытия тела, но без детализации. Судмедэксперт, руководствуясь, видимо, принципом «краткость – сестра таланта», лаконично сообщит, что таковых повреждений 11 и этим ограничится. Из протокола же осмотра места происшествия мы можем узнать, что на передней и задней поверхностях правого предплечья в нижней его трети были отмечены 8 ссадин размером от $1 \times 0,5$ см до $0,5 \times 0,3$ см, на передней поверхности нижней трети левого предплечья имелись две ссадины $0,5 \times 0,5$ см и $1 \times 0,5$ см, а на внутренней поверхности левой голени в нижней её трети – ссадина $1 \times 0,6$ см. Почему на этих деталях мы сейчас делаем акцент? Да потому что в «протоколе осмотра» зафиксировано состояние этих повреждений, имевших «подсохшую желтоватую поверхность». Цвет кровоподтёка указывает на его давность относительно времени смерти, если он стал «цвести», т.е. менять сине-бурый цвет на жёлтый, значит травмирование произошло за несколько дней до прекращения кровообращения.

Этот фотоснимок демонстрирует состояние кожных покровов на груди и животе трупа. «Синяки» вовсе не являются прижизненными кровоподтёками, как быть может, кто-то подумал – это следствие посмертной имбибиции – проникновения клеток крови через стенки сосудов и пропитывания прилегающих тканей. Можно видеть, что цепочки пятен тянутся сверху вниз по ходу кровеносных сосудов. В отличие от процесса образования трупных пятен, возникающих спустя считанные часы с момента наступления смерти, имбибиция развивается довольно медленно, её обнаружение в подобном виде свидетельствует о давности смерти 2 недели и более (разумеется, с той оговоркой, что на степень её выраженности влияют условия хранения трупа).

Завершая разговор о вещах повешенного и найденном при нём имуществе, обратим внимание на две детали, представляющие интерес. Первое: его пиджак и брюки были пошиты из одинаковой джинсовой ткани, т.е. это был костюм. Джинсовый костюм по тем дефицитным временам – это большая роскошь, это большие деньги. При зарплате инженера в 140 руб джинсы могли стоить 180—200 руб и выше. Причём ценились любые джинсы, даже индийские. Следует иметь в виду, что в Советском Союзе существовала единственная швейная фабрика, специализировавшаяся на пошиве одежды из джинсовой ткани, находилась она в Твери и на её лейбле было написано «Тверь» (неискушенные люди читали это слово по-английски, звучало «Тбеп» – и это не шутка!). Так вот тверская фабрика начала выпуск джинсовой одежды к Олимпиаде-80, т.е. спустя более года со времени описываемых событий. А потому джинсовый костюм на покойном явно был импортным или привезённым из-за границы частным образом и в реалиях того времени стоил он очень дорого.

Второе: портфель, найденный возле трупа, оказался пуст. В нём находилось небольшое количество воды – и всё.

Следует сказать несколько слов об опознании трупа – эта рутинная и тяжёлая во всех отношениях процедура в настоящем деле мало того, что оказалась растянута на несколько дней, так ещё и несёт в себе неявную, но важную для нас информацию. Начать, видимо, следует с того, что труп опознавали трижды (!), причём всякий раз с одинаковым результатом, что само по себе выглядит явным перебором.

18 мая, т.е. в день обнаружения повешенного тела в Брюховичском лесу, его предъявили некоему Мазепе Лешеку Зигмундовичу, зав. кафедрой композиции и инструментовки

Львовской государственной консерватории им. Н. В. Лысенко. Согласитесь, зав. кафедрой местной консерватории – это не тот человек, который часто приглашают на опознание трупов. Следователь Рябушко явно руководствовался некими весомыми соображениями, вызывая Лешека Зигмундовича в морг. Какими? Ничего не приходит в голову, кроме предположения о том, что следователь питал уверенность: товарищ Лешек – это тот человек, который должен знать покойного. А откуда у следователя могла возникнуть в этом уверенность? Очевидно, сам Рябушко узнал повешенного или подумал, что тот похож на кого-то, кого Рябушко знает. Впрочем, вполне возможно, что узнал покойного вовсе не Рябушко, а кто-то из следственной группы или милиционеров из оцепления – сие для нас совершенно неважно. Важно то, что ещё на этапе осмотра тела в лесу кто-то из правоохранителей высказал некие суждения о личности повешенного. К этому человеку прислушались и пригласили в морг заведующего кафедрой консерватории.

Тут кто-то из читателей может задаться вопросом: почему Ракитин докопался до этих деталей и к чему все эти рассуждизмы? Детали эти очень важны, поскольку предположение о том, что покойный с большой долей вероятности был опознан ещё в лесу, повлечёт за собой интересные выводы и позволит объяснить кое-какие странности. Но... обо всех причудах и странностях мы будем говорить особо по мере их поступления, сейчас же вернёмся к хронологии событий.

Мазепа уверенно опознал покойного по чертам лица, одежде и шраму на кисти левой руки. По утверждению заведующего кафедрой, повешенным оказался Ивасюк Владимир Михайлович, композитор, обучавшийся во Львовской консерватории по классу композиции. На следующий день – 19 мая 1979 г – опознание было проведено с участием матери Ивасюка, эта процедура дала ровно тот же результат, что и опознание Мазепой.

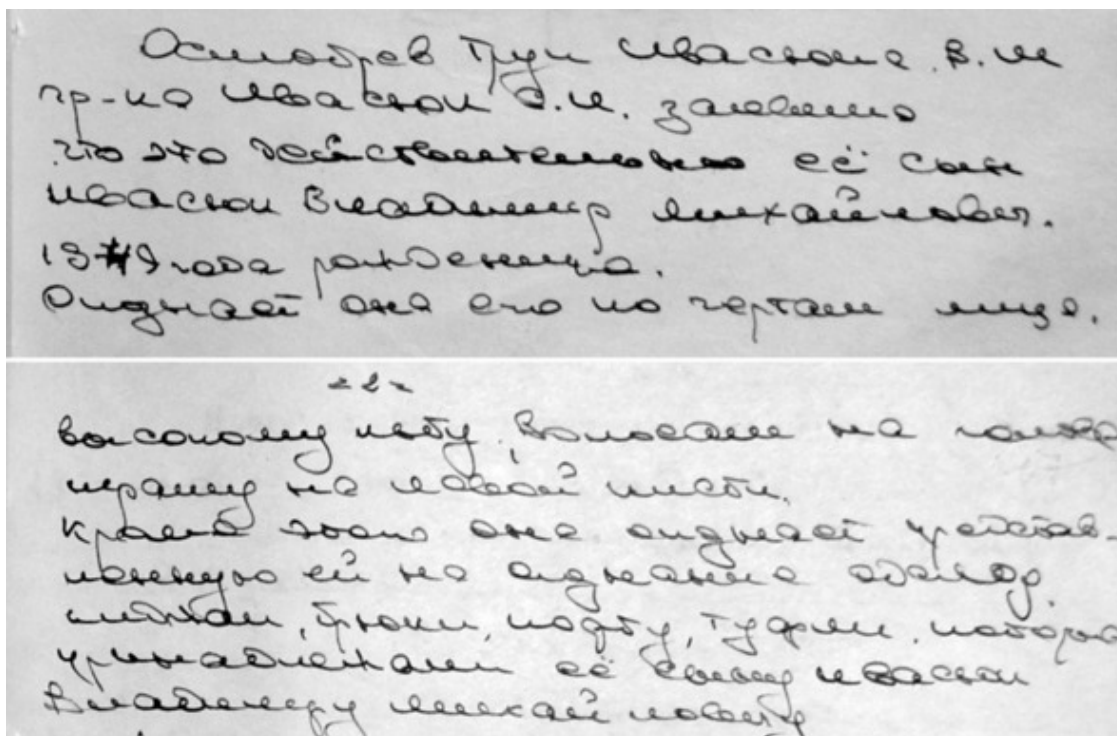
Кстати, если уж зашёл разговор об опознании трупа матерью, то сразу же развеем одну из многих идиотских легенд, выдуманных в последующие годы разного рода недобросовестными «свидетелями», «знатоками» и «близкими семьи». Речь идёт о стойко бытующем мифе, согласно которому Софья Ивановна Ивасюк опознала обезображенный труп «лишь по шраму от аппендицита и родинке на спине».

Одна из многочисленных современных заметок, посвященная обстоятельствам гибели Владимира Ивасюка.

Имеет смысл удостовериться в том, по каким же именно приметам мать опознала сына. В протоколе они перечислены с исчерпывающей полнотой:» (...) по чертам лица, высокому лбу, волосам на голове, шраму на левой кисти.» Ну, а кроме того, мать опознала одежду сына. Как видим, никаких «шрамов от аппендицита» и «родинок на спине».

Совершенно непонятно, зачем пороть ахинею и заниматься выдумками? К сожалению, как мы увидим из дальнейшего, в этом деле откровенного вранья и добросовестных заблуждений едва ли не больше, чем в пресловутом «деле о гибели группы Дятлова», ставшего с некоторых пор классическим примером подтасовок, лжи и мифотворчества т.н. «исследователей».

Фрагменты протокола опознания трупа от 19 мая 1979 г, в которых перечислены приметы сына, опознанные Софьей Ивановной Ивасюк в предъявленном ей теле.

Вернёмся, впрочем, к хронологии событий.

После второго опознания, проведенного с участием матери, следствие провело 21 мая третье по счёту опознание, на этот раз с участием отца. Результат совпал с результатами предыдущих опознаний, что следует признать вполне ожидаемым.

Итак, личность повешенного была достоверно установлена и потому имеет смысл сказать несколько слов об этом во всех отношениях незаурядном человеке.

Родился Владимир Михайлович Ивасюк 4 марта 1949 г в Черновицкой области Украинской ССР, т.е. на момент смерти ему исполнилось полных 30 лет.

Отец по образованию филолог, мать – педагог. В годы Великой Отечественной войны отец был судим, попал в ГУЛАГ, но довольно быстро был освобожден (в 1946 г). Уже после освобождения и возвращения на Украину Михаил Григорьевич встретил будущую жену, Софью Ивановну Карякину. Остаётся добавить, что в 1951 г в семье родилась дочь Галя, а в 1960 – Оксана.

Сначала семья проживала в городке Кицмань, затем переехала в Черновцы, областной центр с населением чуть более 200 тыс. чел примерно в 220 км юго-восточнее Львова.

Ивасюк Владимир Михайлович. Его песни без преувеличения можно назвать глотком чистого воздуха в затхлом болоте официальной «советской эстрады».

В 1967 – 1972 гг Владимир Ивасюк обучался Львовском медицинском институте, который успешно закончил и поступил в аспирантуру (поступление и обучение Владимира в этом ВУЗе сопровождалось некоторыми любопытными эксцессами, о которых будет сказано в своём месте, пока же нас интересует общая последовательность событий в его жизни). Уже на последнем курсе мединститута Владимир поступил во Львовскую консерваторию, что, кстати, следует считать крайне нетипичным для Советского Союза случаем. Дело в том, что в советское время получение двух высших образований крайне не приветствовалось, считалось, что человек не сможет работать на двух работах, а стало быть, два образования очевидно избыточны. Тем не менее, в случае Владимира Ивасюка было сделано исключение.

Причина для исключения из общих правил оказалась весьма нетривиальной – Владимир прославился. Нет, не так: Владимир ПРОСЛАВИЛСЯ на весь Советский Союз.

Он закончил музыкальную школу, в 1964 г написал на стихи отца первую песню. А в 1970 г написал две песни – «Червона рута» и «Водограй» – которые общественность впервые услышала 13 сентября того же года в передаче украинского телевидения «Камертон хорошего настроения». В 1971 г песня «Червона рута» заняла I место на Всесоюзном фестивале «Песня-71».

Кадр из ТВ-записи исполнения песни «Червона рута» на фестивале «Песня-71». Владимир Ивасюк в costume справа.

Победа была совершенно заслуженной. Советская эстрада 1970-х гг представляла собой явление настолько печальное и унылое, что даже вспоминать не хочется набивших пожизненную оскомину лещенко-магомаевых-кобзонов-розрымбаевых-сенчиных-колабельды и прочих титанов советского официоза. На фоне царивших тогда на центральном телевидении музыкальной пошлости и серости, песни Ивасюка звучали свежо и неординарно. Да чего там душой кривить, по-настоящему талантливый был композитор, без всяких оговорок!

В 1972 г на фестивале «Песня-72» «Водограй» Ивасюка заняла первое место. Эта же песня была признана лучшей на ТВ-конкурсе «Алло, мы ищем таланты!»

В общем, к 23 годам Владимир Ивасюк стал не просто широко известен, а по-настоящему популярен, причём, популярен вполне заслуженно.

Особо следует обратить внимание на два момента в жизни Владимира – в 1974 г он был делегатом 22 съезда комсомола Украины и в том же году выезжал в Польшу в составе советской делегации на музыкальный фестиваль «Сопот-74». Кстати, на этом фестивале с песней «Водограй» победила София Ротару. Упомянутые события явственно свидетельствовали о серьёзном карьерном рывке 25-летнего композитора.

К уголовному делу приобщена характеристика на Ивасюка, выданная по месту его учёбы за подписью Мазепы Лешека Зигмундовича, того самого зав. кафедрой, кто первым опознал тело, найденное в Брюховичском лесу. Этот документ очень ёмко передаёт основные творческие вехи Владимира Ивасюка и дабы не пересказывать и не цитировать фрагменты, его фотокопия приведена в «Приложении 1» в конце этой книги. Документ этот интересен во многих отношениях, в т.ч. как и своего рода свидетельство той эпохи, автор рекомендует его прочесть от начала до конца. Из характеристики видно, что молодой талантливый композитор шёл от успеха к успеху, ему всё удавалось, впереди Владимира ждала большая творческая жизнь.

Но в мае 1979 г Владимир Ивасюк был найден мёртвым в лесу. Выдающийся жизненный успех, замечательные перспективы и планы оказались оборваны таким вот неожиданным исходом. Всем, причастным к расследованию, было отчего призадуматься.

Судебно-медицинская экспертиза

Прежде чем перейти к рассмотрению основных свидетельских показаний, собранных в ходе следствия, следует остановиться на результатах судебно-медицинского исследования тела, тем более, что с ним связано большое количество домыслов и мифов.

Вскрытие тела Владимира Ивасюка производилось 19 мая 1979 г с 11 до 13 часов в морге Львовского областного Бюро СМЭ. В этой процедуре приняли участие Начальник Львовского областного Бюро СМЭ, заслуженный врач Украинской ССР Тищенко К. И., зав. кафедрой судебной медицины Львовского государственного медицинского института, доцент, кандидат медицинских наук Зеленгуров В. М. и зав. отделом судебно-медицинской экспертизы трупов областного Бюро СМЭ Нартиков В. Н. Как видим, к вскрытию были привлечены лучшие в регионе специалисты, из чего можно сделать безошибочный вывод о том, что с самого начала расследование гибели известного музыканта рассматривалось властями как высокоприоритетное.

Для того, чтобы оценить полноту проведенной специалистами работы, приведём список вопросов, поставленных следствием перед экспертизой:

« – Какова причина смерти Ивасюка В. М.?

– Имеются ли у пострадавшего телесные повреждения? Какова их локализация? Чем и когда они были причинены? Каков механизм их образования?

– Имеются ли у пострадавшего повреждения, характерные для борьбы и самообороны?

– Каков характер странгуляционной борозды и где был расположен узел петли? (**NB:** Особо обращаем внимание на этот вопрос – он очень важен. Из него можно сделать вывод о том, что следствие с самого начала рассматривало версию об имитации самоповешения. Другими словами, в качестве вероятного допускался вариант, согласно которому Ивасюк был сначала задушен или повешен в ином положении, нежели то, в котором был найден.)

– Соответствует ли характер петли особенностям странгуляционной борозды? (**NB:** Ещё один хороший вопрос, явно направленный на развитие предыдущего. Из него можно сделать заключение, что следствие рассматривало предположение об удушении Ивасюка иным предметом, нежели пояс плаща, на котором висел труп в Брюховичском лесу.)

– Могло ли повешение произойти в результате наложения на шею прилагаемой петли?

– Принимал ли пострадавший алкоголь незадолго до смерти и если принимал, то в каком количестве?

– Какую пищу принимал незадолго до смерти пострадавший?

– Нет ли признаков, указывающих на смерть от отравления?

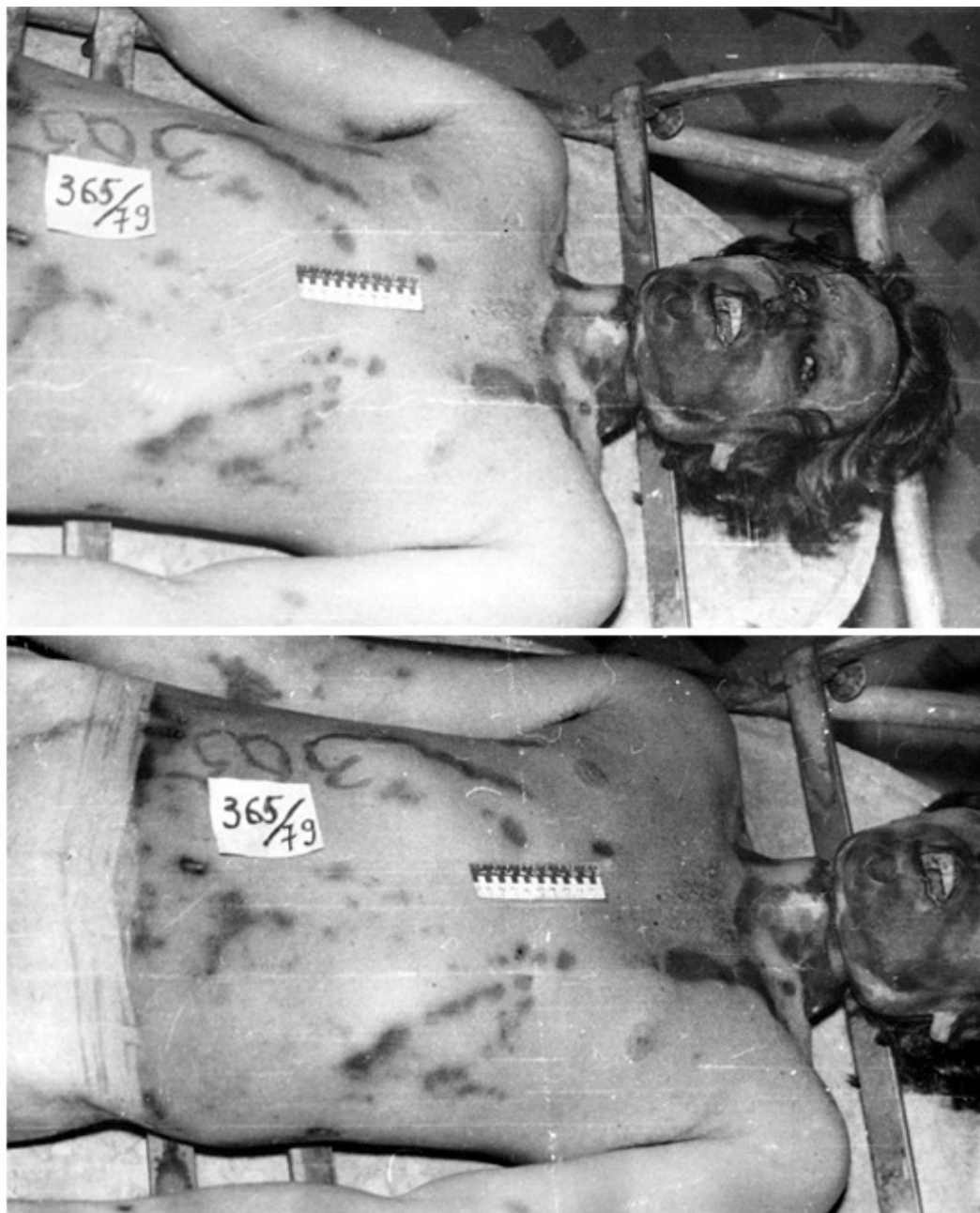
– Какими заболеваниями и физическими недостатками страдал при жизни покойный?

– Сколько времени прошло с момента смерти до судебно-медицинского исследования тела?»

Как видим, вопросы составлены грамотно и даже дотошно. Следствие явно не рассматривало версию самоубийства как априори истинную или даже очевидную, напротив, имелись подозрения о возможной имитации суицида и экспертиза призвана была их либо подкрепить, либо отмести.

Состояние тела описано в акте в следующих выражениях: «Труп мужчины правильного телосложения, удовлетворительного питания. Длина тела 171 см. Кожные покровы розового цвета с синюшным оттенком. трупное окоченение отсутствует. Трупные пятна расположены на нижней половине туловища, на нижних конечностях, на предплечьях и на кистях рук – тёмно-фиолетового цвета с синюшным оттенком, разлитые, при нажатии не бледнеют. Гниение выражено в виде окрашивания кожи живота, лобной области и верхней губы. Высыхание кожи выражено в области лица, шеи и кистей рук в виде плотных пергаментных пятен

красновато-жёлтого цвета, а на руках – чёрно-синего цвета. (...) На волосистой части головы повреждений нет. Кожа лица сухая. Веки уплотнены, сухие. Глазные яблоки сморщены, зрачки неразличимы. Кончик носа сухой, вздёрнут. Кости и хрящи носа на ощупь целые. (...) на слизистой губ и дёсен и на зубах повреждений нет, кончик языка ущемлён между зубами, сухой, сморщенный.»

В уголовном деле имеется 13 фотографий, сделанных во время производства вскрытия тела Владимира Ивасюка. Нам не обойтись без того, чтобы воспроизвести некоторые из них. Сделать это совершенно необходимо, дабы читатели получили возможность самостоятельно составить представление о том, как в действительности выглядело тело и насколько обоснованны утверждения о следах пыток, якобы имевшихся на нём. Необычный тёмно-бурый цвет лица и части шеи выше странгуляционного следа появился вследствие цианоза крови в области верхней полой вены – это первый и наиболее очевидный внешний признак смерти от механической асфиксии.

Это пространное цитирование приведено здесь неслучайно. Дело в том, что на протяжении многих лет и даже десятилетий плодились слухи о неких чудовищных телесных повреждениях, якобы, имевшихся на теле погибшего. Разного рода «очевидцы», «осведомленные лица» и просто «знатоки деталей» всерьёз твердили о сломанных пальцах на руках музыканта (дескать, дрался!), о выколотых глазах (дескать, его пытали) и т. п. деталях. Глаза, как видим, оставались на месте, зрачок стал неразличим ввиду усыхания глазного яблока, что происходит при открытых глазах трупа. Пальцы сломаны не были – чернота кистей рук объяснялась тем, что они всё время оставались опущены и в них под действием силы тяжести естественным образом накапливалась кровь (из-за прекращения работы сердца). Тем же самым объясняется и чернота ступней; скопившаяся в них кровь – это вовсе не гематомы от прижизненных побоев, а следствие той же самой миграции крови в части тела, расположенные ниже. Ступни покойного, кстати, оказались со следами мацерации, что косвенно свидетельствовало о длительности нахождения тела под открытым небом, где оно, по-видимому, подвергалось воздействию дождей и туманов (руки и лицо, обдуваемые воздухом, быстро высыхали, а ступни в носках и туфлях всё время оставались влажными).

Внутреннее исследование показало, что «подъязычная кость и хрящи гортани целые. Верхние рожки щитовидного хряща справа и слева в суставах подвижны. Глотка и пищевод свободны». Последнее уточнение немаловажно, ведь асфиксия рвотными массами даёт схожую с повешением в петле клиническую картину. Т.о. эксперты указали, что покойный не мог задохнуться из-за рвоты во сне или в бессознательном состоянии.

Читаем далее: «Лёгкие мягкие, воздушные, на разрезе ткань серо-синюшная. С поверхности разреза выдавливается густая, тёмная кровь.»

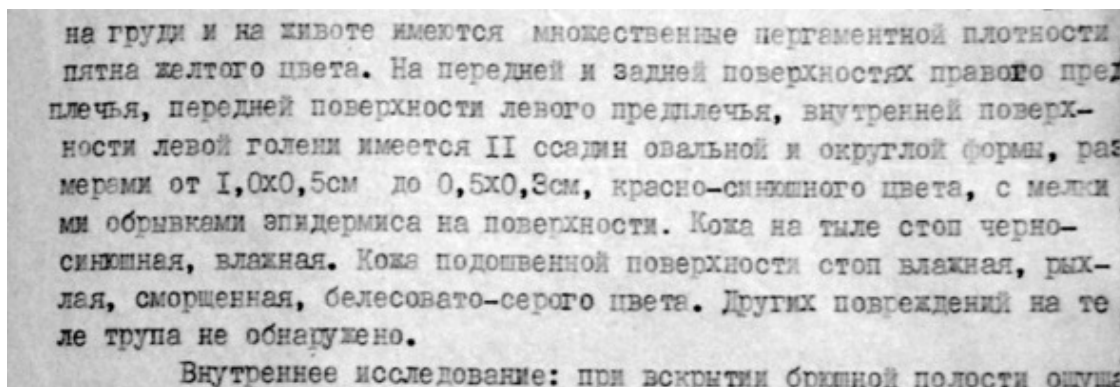
Ступни покойного. Их состояние описано в акте следующими словами: «Кожа на тыле стоп чёрно-синюшная, влажная. Кожа подошвенной поверхности стоп влажная, рыхлая, сморщенная, белесовато-серого цвета».

О состоянии сердца сказано так: «В наружной оболочке сердца немного жира, кровоизлияний нет. В полостях густая, тёмная кровь». Темная кровь, зафиксированная в лёгких и сердце, является характерным признаком асфиксии (тёмный цвет указывает на её обеднённость кислородом), но в классической картине асфиксии кровь не густая, а наоборот, разжи-

женная. В данном случае наличие густой крови является указанием на давность наступления смерти (наряду с аутолическими изменениями, высыханием глаз, гнилостным запахом, упоминаемыми не раз в акте исследования тела, а также пергаментной кожей).

Далее отметим следующие значимые детали: «В мочевом пузыре обнаружено около 300 мл жёлтой прозрачной жидкости». На нижнем белье следов мочеиспускания, дефекации или семяизвержения не оказалось. Данная деталь многими сторонниками «теории заговора» приводится в доказательство имитации повешения. Определенная логика в такого рода рассуждениях есть, поскольку неконтролируемые мочеиспускание, дефекация или семяизвержение (у мужчин) действительно нередко происходят на второй стадии удушения (всего их выделяют четыре или пять. Не будем сейчас вдаваться в эти тонкости, поскольку, во-первых, желающие углубиться в теорию вопроса могут это сделать самостоятельно, в интернете масса учебно-методических материалов по данной теме, а во-вторых, нам сейчас важна не теория, а констатация факта. Если же сейчас начнём разбирать отдельные тезисы, то погрязнем в деталях и потеряем нить повествования). Поскольку речь зашла о мочеполовой системе, отметим, что никаких патологий в этой части судмедэкспертиза не выявила.

Ранее уже упоминалось о ссадинах, числом 11, отмеченных при осмотре трупа на месте обнаружения. При их осмотре в морге судмедэксперты зафиксировали следующее: «На передней и задней поверхностях правого предплечья, передней поверхности левого предплечья, внутренней поверхности левой голени имеется 11 ссадин овальной и округлой формы, размерами от 1,0*0,5 см до 0,5*0,3 см красно-синюшного цвета, с мелкими обрывками эпидермиса на поверхности». И это всё, об этих ссадинах далее нигде больше не упоминается. Для всех недоверчивых приведём фотографию данного фрагмента акта.

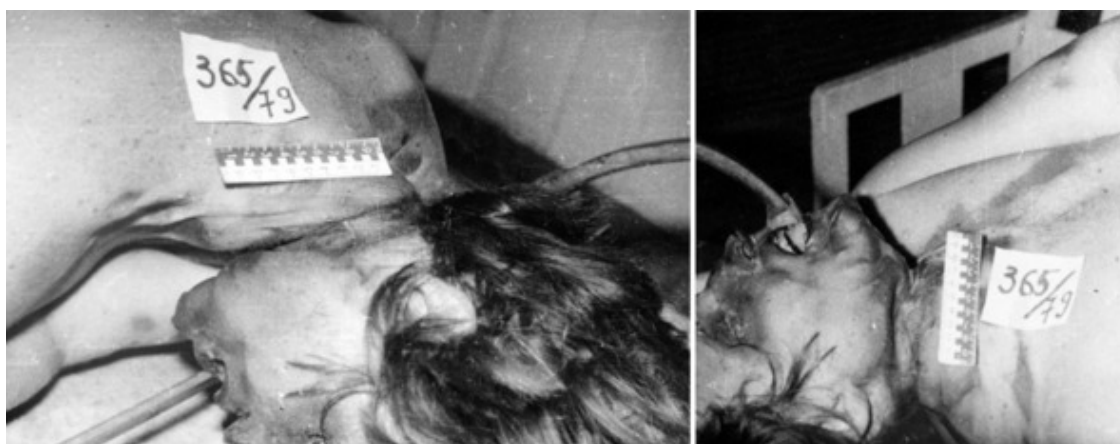
Фрагмент заключения судебно-медицинской экспертизы, содержащий упоминание об 11 поверхностных ссадинах на теле Владимира Ивасюка.

Причина такого невнимания к этим осаднениям кожи вполне понятна – судмедэксперты увидели повреждения, имевшие место задолго до наступления смерти и не находившиеся с ней в причинно-следственной связи, а потому никакого интереса к ним не выказали. Можно, конечно, поспорить о том, насколько оправданно такое невнимание к мелочам, но вряд ли обсуждение этого вопроса будет конструктивным – специалисты в пределах своей компетенции приняли то решение, которое диктовалось их профессиональными знаниями и жизненным опытом.

Ещё раз повторим написанное ранее: то, что травмирование Ивасюка произошло за несколько суток или даже неделю до смерти, довольно очевидно. Даже если причина получения этих осаднений и была криминальной, смерть не явилась её следствием.

Очень скрупулёзно, как того требовали обстоятельства, судмедэксперты зафиксировали состояние странгуляционного следа. Сам пояс (т.е. петля) был удалён с шеи в процессе

судебно-медицинского исследования. Ещё одна необходимая цитата:» (...) с трупом доставлен из такого же материала (что и плащ – прим. А.Р.) кусок ткани длиной 20 см. Ширина петли на шее и на свободном конце разная: от 3 см до 4 см. После снятия петли на шее обнаружена циркуляционная вдавленная странгуляционная борозда, которая расположена: спереди – выше верхнего края щитовидного хряща, сзади – по границе оволосения, на боковых поверхностях шеи слева на 4 см от угла нижней челюсти, справа – на 1 см ниже угла нижней челюсти. Ширина борозды спереди 1 см, на боковых поверхностях справа – 2 см, слева – 1,5 см. Справа, сзади, на границе оволосения борозда расширяется. Поверхность борозды плотная, серо-жёлтого цвета, гладкая. Выражены боковые валики борозды.» Были сделаны качественные фотографии, иллюстрировавшие зафиксированное судмедэкспертами состояние странгуляционной борозды. Некоторые из этих фотографий приведены ниже.

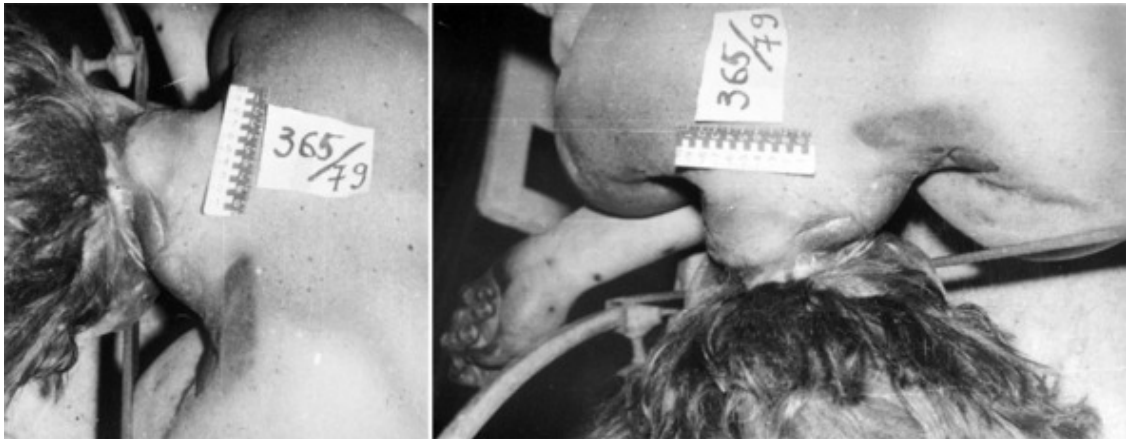

Фотографии, характеризующие вид и состояние странгуляционной борозды на шее Владимира Ивасюка.

Несёт ли какую-то содержательную информацию приведённый фрагмент и фотографии странгуляционного следа? Разумеется, иначе бы их здесь не оказалось. Прежде всего, следует отметить, что судмедэксперты выполнили свою работу качественно, дав описание развёрнутое и с исчерпывающей полнотой. Это важно подчеркнуть, поскольку разного рода мифы о «злонамеренном умерщвлении» талантливого композитора в той или иной степени эксплуатируют предположение о недобросовестности судмедэкспертов. Как видим, оснований для этого нет – описание самого важного телесного повреждения никак нельзя назвать куцым, обрезанным или недобросовестным. Текст находится в полном соответствии с фотографиями.

Это, однако, далеко не всё. Необходимо зафиксировать внимание читателей на двух деталях, но перед этим надлежит сделать небольшое отступление. В судебной медицине различают два очень схожих по симптоматике, но весьма различных по способу умерщвления вида удушения – повешение в петле и удушение верёвкой. В самом общем виде первый вариант – это смерть на виселице, а второй – от закручивания на шее гарроты. В случае повешения (или самоповешения) источником силы, затягивающей петлю, является собственный вес потерпевшего, а в случае удушения петлёй источник силы никак с потерпевшим не связан. Как было сказано, симптоматика обоих способов умерщвления очень схожа, хотя понятно, что речь идёт об очень разных преступлениях и с точки зрения следствия очень важно правильно их различать. Главное отличие, помогающее судмедэксперту уверенно отличить одно от другого, заключается в том, что в случае повешения странгуляционный след будет **незамкнутым**, поскольку в районе узла петля не прилегает плотно к шее (оттягивается под воздействием силы тяжести, действующей на тело). При удушении же петлёй (гарротой) прилегание петли будет полным по всей окружности шеи. А теперь посмотрим на фотографии странгуляционной борозды

на теле Владимира Ивасюка. Что мы видим? Правильно – тело найдено висящим в петле, а странгуляционный след на шее **замкнутый, полностью опоясывающий шею**.

Фотографии, характеризующие состояние странгуляционной борозды на шее Владимира Ивасюка.

Есть и ещё один интересный момент, на который следует обратить внимание читателей. На фотографиях странгуляционной борозды, приведенных здесь, хорошо видно, что ниже основного странгуляционного следа (т.е. ближе к плечам) на задней стороне шеи заметен другой схожий след. Он менее выражен, но это явно не дефект фотосъёмки, сдавление шеи заметно довольно хорошо. Такое впечатление, что сначала была затянута одна петля, а потом – вторая, та, в которой и было найдено тело.

Интересно, да?

Дальше будет интереснее! Давайте попробуем приложить классические признаки повешения к случаю Владимира Ивасюка и посмотрим, насколько же клиническая картина, описанная судмедэкспертами во время вскрытия, им соответствует.

Итак, **«признак Амюсса»**. Так называют надрывы поперечной оболочки сонных артерий от их натяжения при свободном висении тела в петле. Надрывы эти образуются на стороне, противоположной петле. У Ивасюка «признак Амюсса» отсутствовал. В принципе, этому есть неплохое объяснение, поскольку этот признак наблюдается далеко не всегда даже в тех случаях, когда факт умерщвления повешением сомнений не вызывает (например, в случае смертной казни). По статистике, накопленной за большой исторический период, «признак Амюсса» фиксируется примерно в 18% случаев повешения в петле за шею или голову. Кроме того, сам по себе признак отнюдь не свидетельствует о прижизненности повешения, это просто следствие висения тела в петле. Другими словами, человека могут задушить гарротой, потом повесить в петле и у него проявится данный признак. Поэтому к случаю Владимира Ивасюка наличие или отсутствие данного признака ничего не добавляет и не прибавляет.

«Признак Бруарделя». Так называют точечные кровоизлияния (экхимозы) в клетчатке заглоточного пространства. Иногда «признак Бруарделя» проявляется очень ярко и можно видеть обильные кровоизлияния, но известны случаи, когда такие кровоизлияния имеют единичный характер. В рассматриваемом нами случае кровоизлияния в слизистых глотки и рта экспертами не упомянуты, зато имеется запись о «бледно-розовом цвете» слизистых рта, гортани и пищевода. Это даёт нам основания считать, что судмедэксперты данный признак не наблюдали.

«Признак Вальхера». Речь идёт о появлении тёмно-красных кровоизлияний в районе крепления к грудице грудино-ключично-сосцевидных мышц. Этот признак наблюдается обычно у грузных людей, а Владимир Ивасюк к таковым очевидно не относился. Тем не менее

на его груди можно видеть кровоизлияния, отвечающие «признаку Вальхера». Эксперты, однако, на этом акцент не сделали и несложно понять почему. Дело заключается в том, что данный признак не свидетельствует о повешении живого человека, т.е. он проявляется и в случае повешения трупа (имитации самоубийства). То, что Ивасюк висел в петле, сомнений не вызывало – он был найден висющим, поэтому с точки зрения проводимой экспертизы этот признак не являлся значимым (вот если бы тело оказалось найдено лежащим в траве, то тогда бы судмедэксперты вставили бы указание на то, что существуют признаки висения в петле).

«Признак Мартина». Этот признак, как и «признак Амюсса», связан со специфическим повреждением сонных артерий. «Признаком Мартина» называют кровоизлияние в наружную оболочку (т.н. адвентицию) сонных артерий и причина его возникновения та же, что и для «признака Амюсса». Как и последний, «признак Мартина» в ходе судебно-медицинской экспертизы также не наблюдался.

Что же это такое? С чем мы имеем дело? Почему картина повешения или самоповешения Владимира Ивасюка выглядит такой «размытой» (отсутствие рефлекторного мочеиспускания, замкнутая странгуляционная борозда, не выражены классические признаки механической асфиксии и пр.)?

Немалое искажение картины смерти связано, скорее всего, с тем обстоятельством, что труп не висел в собственном значении этого слова. Вспомним, что труп касался ногами земли и часть веса тела приходилась на ноги. Даже когда произошло полное расслабление мышц, всё равно ступни принимали на себя нагрузку и передавали её на опору. После первоначального затягивания петли потерпевший имел возможность переносить вес на ноги и, возможно, даже предпринимал попытки ослабить петлю. Именно этими движениями можно объяснить перемещение петли из первоначального положения (у основания шеи, ближе к плечам) в конечное (узел за правым ухом).

То, что у умирающего не наблюдалось рефлекторное опорожнение мочевого пузыря (хотя тот не был пуст), можно объяснить индивидуальной особенностью его нервной системы. В принципе такого рода рефлекторные акты (мочеиспускание, дефекация, а у мужчин, кроме того, и семяизвержение) наблюдаются довольно часто в агональном состоянии, но это вовсе не значит, что они имеют место всегда и со всеми. Надо понимать, что это явления очень индивидуальные, проявление упомянутых рефлекторных актов не является безусловным. В данном случае процесс умирания происходил так, во многих других – иначе... само по себе подобное несовпадение ещё ничего не доказывает. Хотя нам важно помнить о данной детали, принимая во внимание, что смерть Владимира Ивасюка оказалась окружена большим числом легенд и басен.

Завершая разбор судебно-медицинской экспертизы, остаётся упомянуть о том, что в ходе вскрытия тела была обнаружена фиброзная бляшка венечной артерии. Потенциально это было довольно опасное образование, но никакой непосредственной угрозы жизни и здоровью фиброзная бляшка не представляла. Учитывая молодой возраст Владимира Ивасюка, можно предположить, что тот даже не подозревал о её наличии. Если говорить о физическом состоянии покойного, то фиброзная бляшка являлась, пожалуй, его единственным физическим дефектом.

Теперь остановимся на тех выводах, к которым пришли специалисты после обработки всех результатов судебно-медицинских исследований:

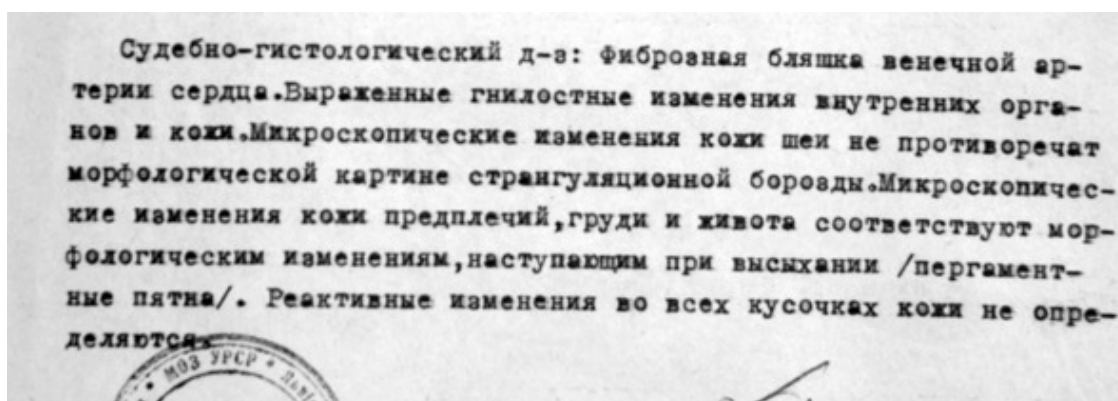
– Причина смерти: механическая асфиксия, обусловленная сдавливанием шеи петлёй, затянувшейся под тяжестью собственного веса. Отмечен признак, характерный для данного вида асфиксии – циркулярная (т.е. опоясывающая) косо-восходящая странгуляционная борозда на шее. Констатировано отсутствие другой причины смерти.

– Повреждений, свидетельствующих о борьбе или самообороне, на трупе не найдено. Единственное телесное повреждение, имеющее причинную связь со смертью – это странгуляционная борозда на шее.

– Характер странгуляционной борозды: косо-восходящая, циркулярная, вдавленная, не рельефная, узел петли располагался сзади справа. Подобное расположение петли (за ухом) характерно для случаев самоповешения, т.к. самоубийцы обычно не оставляют узел под нижней челюстью.

– Характер странгуляционной борозды соответствует материалу петли. Этот вывод означает, что для повешения использовался именно пояс плаща, а не бельевая верёвка, буксировочный тросик, проволока или иной, впоследствии кем-то замененный, предмет.

– Повешение могло произойти в результате наложения на шею петли, направленной на судебно-медицинскую экспертизу, которая была изготовлена из пояса плаща.

Гистологическое исследование кожи, взятой из странгуляционной борозды, подтвердило прижизненность повешения.

– Алкоголь в крови и моче не обнаружен.

– В полости желудка обнаружено около 50 мл грязно-фиолетовой жидкости. Желудок от пищевых масс пуст. Последний приём пищи имел место не менее, чем за 5—6 часов до смерти.

– При судебно-химическом исследовании органов каких-либо ядов не обнаружено, что служит основанием для исключения возможности наступления смерти от отравления.

– Болезненных изменений внутренних органов и физических недостатков судебно-медицинская экспертиза не выявила.

– От момента смерти до времени проведения экспертизы прошло около 3-х недель, на что указывает степень развития поздних трупных явлений.

– Смерть насильственная, механическая асфиксия, повешение.

При оценке вероятности совершения человеком самоубийства всегда встаёт вопрос о наличии у него суицидальных намерений. Для выяснения связанных с этим деталей опрашиваются родные и близкие умершего, его коллеги по работе, изучается его личная переписка, а также медицинские документы, способные пролить свет на его физическое, психическое и эмоциональное состояние.

И вот тут мы подходим к очень важному моменту. Дело заключается в том, что Владимир Ивасюк высказывал прежде суицидальные намерения и в связи с этим был даже помещен в Львовскую областную психиатрическую больницу (ЛОПБ). Факт этот скрыть невозможно – о лечении Ивасюка в этом учреждении знали во Львове если и не все, то многие. Сейчас его оценивают диаметрально противоположно: кто-то считает, что лечение в ЛОПБ доказывает факт тяжёлой болезни Ивасюка, сторонники же «версии заговора» утверждают, будто Ивасюк

на самом деле был полностью здоров и лишь имитировал расстройство психики, имея в виду последующее восстановление в консерватории (откуда он тогда был отчислен).

Понимая всю деликатность этой темы, следует признать необходимость её внимательного анализа. Поскольку не разобравшись в этом вопросе, мы ничего не поймём в истории жизни и смерти композитора Владимира Ивасюка.

Госпитализация 1977 года

За два года до смерти, в середине апреля 1977 г, Владимир Ивасюк попал на лечение во Львовскую областную психиатрическую больницу (ЛОПБ). История его пребывания там не может быть обойдена вниманием или проигнорирована ввиду того, что события той весны в последующие годы пересказывалась разными «свидетелями» и «очевидцами» очень по-разному. И неудивительно, что эти рассказы породили весьма несхожие, порой прямо противоречащие друг другу объяснения произошедшего.

Дабы не быть превратно понятым, объяснюсь.

Кто-то склонен объяснять лечение Ивасюка его намерением добиться восстановления в консерватории. По этой версии композитор был совершенно здоров, лечение было фиктивным и преследовало цель обеспечить его необходимой справкой, располагая которой он мог бы убедительно объяснить провалы в учёбе, послужившие причиной его отчисления из консерватории весной 1976 г. Версия, кстати, учитывая реалии той поры, должна быть признана весьма дельной; «заехать в дурку полечиться» – это отличная возможность избавиться от назойливого внимания социалистического государства к собственной персоне. Мало кто знает, что практически все «воры в законе» времён «развитого социализма» официально числились шизофрениками – это давало им массу весьма любопытных юридических преференций. Лично знаю человека, с которым вместе учился в ленинградском Военмехе, избавившегося от угрозы отчисления из института удачной имитацией самоубийства и последующим лечением в психбольнице. Он по пьяному делу искромсал предплечье куском оконного стекла, нанеся около 30 порезов, отправился на лечение в «юдоль скорби» и обзавёлся там замечательной справкой, позволившей получить «белый» «военный билет» (негоден к строевой воинской службе). После чего счастливо закончил институт, поныне жив и здоров, владеет собственным бизнесом и очень успешен в материальном отношении.

Некоторые склонны объяснять пребывание Владимира Ивасюка в ЛОПБ прямо противоположно, дескать, он был очень серьёзно болен, но диагноз «шизофрения» ему поставлен не был, поскольку врачи пожалели всенародного любимца и не захотели ломать ему жизнь. Версия эта тоже по-своему логична, поскольку диагностирование серьёзного психиатрического заболевания закрывало в то время перед человеком все дороги, о телевидении, международных конкурсах и поездках за границу с диагнозом «шизофрения» можно было забыть сразу и навсегда.

Помимо этих основных гипотез, или точнее говоря, догадок, существуют и разного рода их промежуточные вариации, не станем сейчас на них останавливаться, ибо нам в рамках принятого повествования достаточно обозначить крайние точки зрения. Поэтому, несмотря на всю деликатность затронутой темы, нам невозможно будет обойти молчанием обстоятельства пребывания Владимира Ивасюка в Львовской ОЛБ.

Итак, из приобщенной к следственным материалам истории болезни Владимира Ивасюка, мы знаем, что всё началось с его госпитализации 18 апреля 1977 г по вызову «скорой помощи». Что именно послужило причиной обращения родных Владимира в «скорую помощь», понять из медицинских документов нельзя. Сейчас известны воспоминания медицинских работников, которые в тот день якобы принимали Владимира в больнице, но честно говоря, во все эти «откровения задним числом» углубляться не хочется ввиду их конъюнктурности и малой достоверности. Здесь можно провести очевидную аналогию с историей группы Дятлова – чем больше проходит времени, тем больше свидетели тех событий вспоминают бредовых деталей и откровенной чепухи. Эти люди смотрят глупости по ТВ, проникаются увиденным и услышанным, а потом, творчески переработав старческим умом журналистские бредни, выдают их за собственные воспоминания и умозаключения.

Поэтому будем держаться документов, хотя автору, ещё раз повторю, известны рассказы как о том, что «скорую» для Ивасюка вызывала мать, так и о том, что именно послужило причиной для вызова. Но – это без комментариев. 18 апреля 1972 г бригада №4 (старший – врач Кручек Евгений Михайлович) прибыла по вызову по адресу ул. Маяковского, д. 106, кв. 13 для оказания помощи Ивасюку Владимиру Михайловичу, 28-ми лет. Анамнез был описан в следующих выражениях: «Более двух лет тому назад появилась бессонница, упала работоспособность, ранее мог что-то делать в послеобеденное время, сейчас полностью нетрудоспособен, лечился у неврологов – безрезультатно. Последнее время всё чаще думает о самоубийстве. Обследовано: в глазах глубокая тоска, на вопросы отвечает замедленно, неохотно. Жалуется, что не может ничего делать, нет ясности в работе, пропал интерес к жизни. Сейчас думает о том, что вероятно, нужно уйти из жизни. Отмечает некоторое изменение отношения окружающих к нему в худшую сторону.»

Дабы исключить какие-либо облыжные обвинения в том, что автор выпячивает одни детали и игнорирует другие, имеет смысл привести запись врача Кручека полностью (см. фотокопию талона вызова бригады «скорой помощи»).

Копия
Станция скорой медицинской помощи г. Львова
Имя врача, фельдшера Кручек № бр. 4
ВЫЗОВ № 244 дата 18-IV-772
Мужчина (женщина) Возраст: лет 28 месяцев _____
Ф. И. О. больного Ивасюк Владимир Михайлович
Адрес Маяковского 106/13
Повод к вызову псих. б. и
ДИАГНОЗ остро-депрессивный с-м
Оказанная помощь госпитализация
Где оставлен больной 10116
Травма—какая _____
Жалобы, анамнез и объективные данные о состоянии больного или пострадавшего записываются на обороте.
Типография Львовск. в-да автопогрузчиков, зак. 1632—20000.

Более двух лет тому появилась бессонница, упала работоспособность, ранее мог что-то делать в послеобеденное время, сейчас полностью нетрудоспособен, лечился у неврологов – безрезультатно. Последнее время всё чаще думает о самоубийстве. Об-но: в глазах глубокая тоска, на вопросы отвечает замедленно, неохотно. Жалуется, что не может ничего делать, нет ясности в работе, пропал интерес к жизни. Сейчас думает о том, что вероятно, нужно уйти из жизни. Отмечает некоторое изменение отношения окружающих к нему в худшую сторону.
Вр. Кручек
Копия Верина

Талон о госпитализации
больной Ивасюк Владимир Михайлович 28
оставлен 10116
нагноз остро-депрессивный с-м
дата 18-IV-772 час. 13 мин. 20
Дежурный по приемному покою
больной принят 13 час. мин. 30
Дежурный врач больницы Кручек
Врач станции скорой помощи Кручек
Копия Верина

Копия талона вызова и госпитализации Владимира Ивасюка, приобщенная к материалам уголовного дела.

Итак, врачу «скорой помощи» сам Ивасюк ясно и недвусмысленно сказал о собственных размышлениях на тему добровольного ухода из жизни. Кручек дважды (sic!) упомянул о суицидальных размышлениях Ивасюка, причём, сделал это явно с подачи последнего. Запись Кручека сделана очень близко к тому, что говорил сам Ивасюк; согласитесь, что фразу» (...) упала работоспособность, ранее мог что-то делать в послеобеденное время, сейчас полностью нетрудоспособен (...)» мог произнести только сам Ивасюк, сложно представить, чтобы нечто подобное произнесли мать или сестра.

В ходе следствия врач Кручек было допрошен. Об апрельском 1977 г вызове к Ивасюку он рассказал в таких выражениях: «Вызов я получил на выезд к больному через центральную диспетчерскую. Кто именно звонил (...) я в настоящее время не помню. Когда я приехал по указанному адресу, то больным оказался Ивасюк Владимир Михайлович. Кроме больного Ивасюка в квартире находился мужчина около 50 лет и женщина примерно 30 лет. Когда я вступил в беседу с Ивасюком, то на вопросы он отвечал замедленно, неохотно. У Ивасюка было подавленное состояние, в глазах тоска. В беседе со мной Ивасюк намекнул, что жить стало ему неинтересно и он даже мог бы покончить с собою. Когда я спросил Ивасюка, не пытался ли он что-то сделать с собою, то Ивасюк мне ответил, что такие мысли у него всё время возникают и уже пора кончать с собою. Всю беседу я отразил в карточке вызова.» Т.о. по прошествии двух с лишком лет Кручек Евгений Михайлович полностью подтвердил точность записи в талоне вызова, сделанной 18 апреля 1977 г.

Я выезду его в
исследовании...
произвел мною прощанья,
записи с моих слов и правильно.
Кручек
Допросил с. с. Сервентова
В. Ракитин

Подпись доктора Кручека Е. М. под протоколом допроса.

Что происходит далее? Выслушав Владимира, врач «скорой помощи» ставит ему диагноз «астено-депрессивный синдром» (написан на лицевой стороне талона вызова) и в графе «повод к вызову» пишет: «психбольной». Всё логично, комар носа не подточит! Если пациент жалуется вызванному врачу «скорой помощи» на суицидальные настроения, то это серьёзно, отмахнуться от таких слов нельзя, такого пациента надо отвезти в психиатрическую больницу и оказывать профильную помощь.

Что Кручек и сделал.

Сопровождала Владимира в этой поездке старшая из сестёр, о чём имеется соответствующая запись в медицинских документах. Врач в приёмном покое при первой беседе с Ивасюком записал следующее: «3 недели назад без видимой причины появилась упорная бессонница, в дальнейшем стал подавленным, мрачным, высказывал мысли о бесцельности жизни. (...) Жалобы на упорную бессонницу, слабость, утомляемость, потому отмечается общая медли-

тельность. Говорит тихим голосом, темп мышления замедлен. Бреда, галлюцинаций нет. Фон настроения снижен. Диагноз: астено-депрессивный синдром.» (Документ в виде фотокопии представлен в конце этой книге, см. «Приложение 2»).

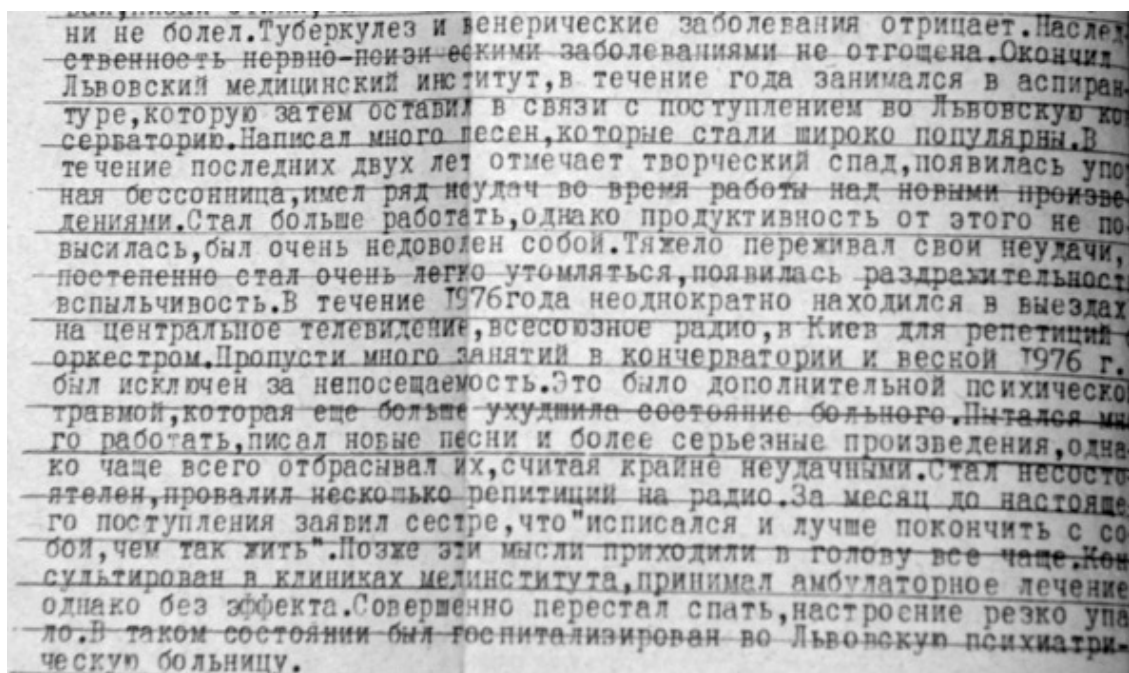
В сделанной врачом записи особого внимания заслуживает следующая фраза: «По рекомендации доц. Слободяника поступает на лечение в больницу». Т.о. заявление Ивасюка врачу «скорой помощи» о попытке амбулаторного лечения получает убедительное подтверждение, он обращался к некоему доценту Слободянику и тот, видимо, убедившись в бесполезности таблеток, рекомендовал композитору отправиться в стационар.

Почему эта деталь важна? Ранее подчеркивалось, что лечение Владимира Ивасюка окружено рядом мифов, один из которых, в частности, гласит, будто «скорую помощь» вызывала мать композитора, а тот её намерению противился. Как видим, всё обстояло совсем иначе: Владимир отдавал полный отчёт в тяжести своего состояния, пытался лечиться, консультировался, назвал при поступлении в больницу фамилию специалиста, который с ним работал (скорее всего, доцента Слободяника хорошо знали в Львовской ОПБ), т.е. действовал разумно и добровольно.

Т.о. миф о принудительной госпитализации оказывается всего лишь мифом, городской легендой. Именно по этой причине чтение документов гораздо важнее обсуждения воспоминаний всевозможных «друзей», «подруг» и «очевидцев». Не зря же родилась пословица: врёт, как очевидец!

Первичный осмотр, проведенный специалистами по месту госпитализации на следующий день, т.е. 19 апреля 1977 г, зафиксировал состояние композитора в следующих выражениях (особенно важные по мнению автора места выделены жирным шрифтом): «Предъявляет постоянные жалобы на упорную бессонницу, сниженное настроение, лёгкую утомляемость, слабость, раздражительность, **суицидальные мысли**, головные боли, снижение работоспособности. (...) В течение последних двух лет отмечает творческий спад, появилась упорная бессонница, имел ряд неудач во время работы над новыми произведениями. Стал больше работать, однако продуктивность от этого не повысилась (...). Тяжело переживал свои неудачи, постепенно стал очень легко утомляться, появилась раздражительность и вспыльчивость. (...) Стал несостоятелен, провалил несколько репетиций на радио. **За месяц до настоящего поступления** (т.е. в марте 1977 г. – прим. А.Р.) **заявил сестре, что „исписался и лучше покончить с собой, чем так жить“**. Позже эти мысли приходили в голову всё чаще. (...) **Совершенно перестал спать, настроение резко упало**. В таком состоянии был госпитализирован во Львовскую психиатрическую больницу.»

В этом документе нашло объективное отражение то чудовищное состояние, в котором находился Владимир Ивасюк на момент госпитализации. Любой психиатр знает, что сон имеет огромное значение для психической устойчивости человека. Если на протяжении многих недель или даже месяца, как в случае Ивасюка, человек не может нормально спать, то рано или поздно он предпримет попытку покончить с собою. И с большой долей вероятности попытка эта окажется успешной. Слова Владимира Ивасюка о полном расстройстве сна и суицидальных мыслях являлись индикатором серьёзного неблагополучия, требовавшего самого пристрастного внимания и специального лечения.

Фрагмент протокола первичного осмотра Владимира Ивасюка в Львовской психиатрической больнице. Документ датирован 19 апреля 1977 г.

Первые дни композитор находился на обследовании в карантине (его проверяли на наличие сифилиса, тифа, сделали общий анализ крови и пр.). С 21 апреля 1977 г Владимир Ивасюк стал получать полноценное лечение, что хорошо видно из «листа врачебных назначений». В ход пошла классическая «тяжёлая артиллерия» советской психиатрии. Имеет смысл подробнее присмотреться к тому, какими лекарствами лечили Владимира.

Итак:

– Галоперидол – этот препарат назначается для поддерживающей терапии при хроническом и затяжном течении психозов с галлюцинаторно-бредовой симптоматикой, сочетающейся с аффектами тревоги и страха. Имеет выраженный седативный эффект. Кстати, термин «седативный» обычно используется в качестве синонима «успокаивающий», но к галоперидолу, как кажется, намного лучше подойдёт другой эпитет – «оглушающий». Это тяжёлый препарат, который даже в минимальных дозах оказывает сильное действие на людей, принимающих его впервые: человек проводит многие часы в состоянии полнейшей апатии, то засыпая, то просыпаясь, но оставаясь в прострации и абсолютном безразличии к окружающему. Особенностью галоперидола является выработка высокой толерантности (переносимости) у лиц, регулярно его получающих. Суточная доза «больных со стажем» может достигать 60 мг. Ивасюку была назначена начальная дозировка 0,5 мг с ростом до 15 мг в сутки, т.е. дозировку повышали аккуратно, наблюдая за состоянием пациента. Начиная с 14 мая галоперидол принимался Владимиром Ивасюком 3 раза в сутки – в 10, 14 и 19 часов – при этом даже на максимуме суточная доза оставалась в 4 раза ниже максимально допустимой.

– Тизерцин – данное лекарство назначается при депрессивно-параноидных и тревожных состояниях помрачения сознания с возбуждением, страхом. Вызывает сонливость, мышечную релаксацию, как следствие – нежелательные побочные явления вроде тахикардии (учащенного сердцебиения), паркинсонизма (мерцательной дрожи конечностей или головы), гипотонии (пониженного давления крови). Дозировки могут достигать 600 мг в сутки. Владимир Ивасюк получал 50 мг тизерцина на ночь.

– Седуксен – это классический транквилизатор, назначаемый при состоянии тревоги, беспокойства, раздражительности, а также эмоциональном напряжении и нарушениях сна.

Седуксен даёт миорелаксирующий, седативный, противосудорожный и снотворный эффект. Разовая доза для взрослых не должна превышать 10 мг, а суточная – 80 мг. Владимиру Ивасюку был прописан двукратный приём седуксена по 5 мг (утром и вечером). Желаемого улучшения, однако, не последовало. 23 апреля в истории болезни появилась запись: «Состояние больного улучшилось незначительно: стал несколько спокойнее, сон короткий (2—4 часа), но достаточно глубокий. Отмечает постоянную слабость, снижение настроения, говорит, что временами испытывает „оклики“, при этом испытывает страх, особенно по вечерам. Критичен к своему состоянию (т.е. понимает, что нездоров и нуждается в лечении – прим. А.Р.). В отделении держится в стороне от больных, не может подобрать себе „соответствующую компанию“. В контакт с врачом вступает очень охотно (...)».

г. Весеннее

ЛИСТОК ВРАЧЕБНЫХ НАЗНАЧЕНИЙ

Больной Иванов

Режим содержания	Дата назначения	Роспись врача	Роспись медсестры
Наблюдательный	18. IV. 77.	Васильев	Васильева
Ограничительный	:	:	:
Дифференцированный	21. IV. 77.	Васильев	Васильева
Свободный	19/IV 77	Г	:

Иванов В. И., № 15
Ф. И. О. больного и № палаты

-4-

№ карты 2750

ЛИСТ ВРАЧЕБНЫХ НАЗНАЧЕНИЙ

Отметки о назначении и выполнении

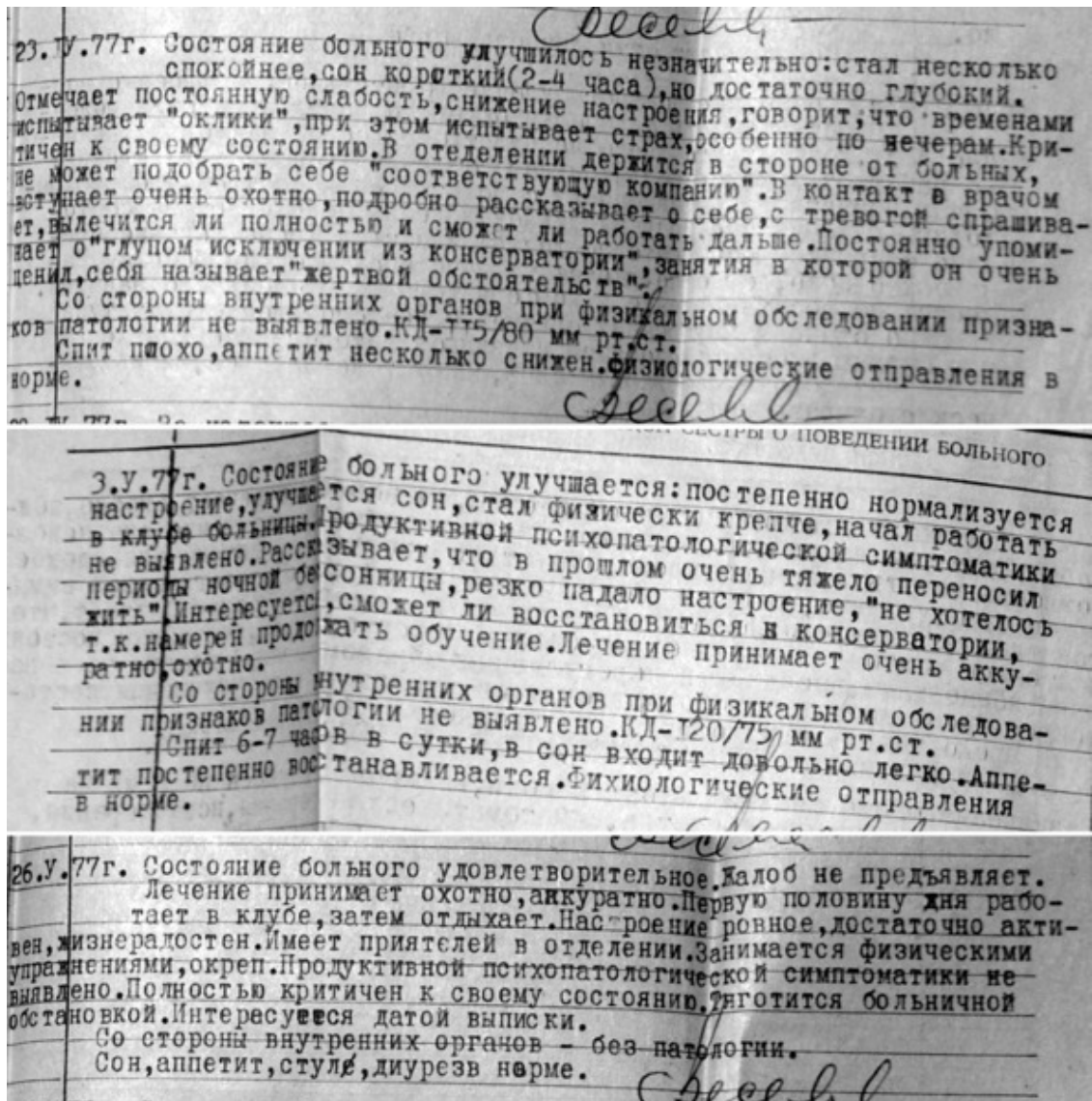
Исполн.	Дата	Отметки о назначении и выполнении						
		22. IV	23. IV	24. IV	25. IV	26. IV	27. IV	
Иванов В. И.	21. IV. 77.							
Миссерин	20 см	22. IV	23. IV	24. IV	25. IV	26. IV	27. IV	
50 мг 4м	2м	50 мг	50 мг	50 мг	50 мг	50 мг	50 мг	50 мг
не пог	врач							
	сестра							
Селонидол	врач							
6 капель	сестра 14 ⁰⁰	0,5 мг	0,5 мг	1 мг	1 мг	1,5 мг	1,5 мг	
0,5 мг, сестра	врач							
не добавляется	сестра							
+ 1 капля по	врач							
в 3 дня	сестра							
добавляется по	врач							
5 капель,	сестра							
весом 50	врач							
мг в сутки	сестра							
вздутием	врач 10 ⁰⁰	5 мг	5 мг	5 мг	5 мг	5 мг	5 мг	
5 мг утром	сестра 19 ⁰⁰	5 мг	5 мг	5 мг	5 мг	5 мг	5 мг	
и вечером	врач							
	сестра							
Васильев	врач							
	сестра							

Фрагменты «Листа врачебных назначений» больного Ивасюка В. М., палата №5 Львовской ОПБ.

В последующие дни перелома в течение болезни также не произошло. 28 апреля в истории болезни отмечено: «За истёкшее время перемен в психическом и соматоневрологическом состоянии больного не произошло. Лечение принимает охотно и очень аккуратно.»

Ввиду малой результативности лечения Ивасюку с 28 апреля были сделаны дополнительные назначения: трифтазин и циклодол. Показанием для назначения трифтазина является бредовая и галлюцинаторная симптоматика (т.е. самые «оклики», которые пугали Владимира по вечерам), психомоторное возбуждение, отвлеченные навязчивости, тревожные состояния психотического и невротического уровня. Дозировка может достигать 60 мг в сутки, но в случае Владимира Ивасюка она оказалась много меньше: первоначально 2,5 мг с последующим повышением до 10 мг. Циклодол назначается при наличии у пациента выраженной паркинсонической симптоматики – ригидности мышц, треморе, снижении общей двигательной активности (т.н. гипокинезии), неконтролируемого слюнотечения и пр. Видимо, подобные симптомы проявились у Ивасюка к концу первой недели лечения, потому и было сделано такое назначение. Это отнюдь не означает, что у Владимира развилась болезнь Паркинсона – нет, этой болезнью он никогда не страдал! – но «паркинсоническое состояние» часто становится следствием интенсивного лечения психотропными препаратами. При этом после назначения трифтазина и циклодола никаких отмен назначенных ранее лекарств не последовало. Очевидно, врачи считали, что все назначения сделаны правильно и ничего в лечении менять не нужно.

Прошло ещё несколько дней и, наконец, 3 мая история болезни зафиксировала первые обнадеживающие результаты лечения: «Состояние больного улучшается: постепенно нормализуется настроение, улучшается сон, стал физически крепче, начал работать в клубе больницы. Продуктивной психопатологической симптоматики не выявлено. **Рассказывает, что в прошлом очень тяжело переносил периоды ночной бессонницы, резко падало настроение, не хотелось жить.**»

Записи в истории болезни Ивасюка за подписью лечащего врача Веселовского, относящиеся к разным дням госпитализации (23 апреля, 3 и 26 мая 1977 г).

Последнее предложение выделено не случайно, поскольку представляется очень важным. В нём мы видим, что в который уже раз – спустя 2 недели с момента поступления в больницу – Владимир Ивасюк признаётся в существовании у него суицидальных мыслей и их связи с бессонницей. Для психиатров в этом нет тайны, скорее, напротив, связь между длительной бессонницей и суицидальными настроениями известна им хорошо, но в рамках нашего повествования важно отметить, что клиническая картина заболевания Владимира Ивасюка довольно тривиальна. Особых загадок в пережитых композитором страданиях нет, они обыденны и знакомы не понаслышке многим творческим людям. Как, впрочем, и врачам, их лечащим...

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что лишь 3 мая, т.е. на 12 день активного лечения психотропными препаратами, в состоянии Владимира Михайловича Ивасюка был зафиксирован позитивный сдвиг. Всё это время его пичкали серьёзными лекарствами, причём с нарастающей дозировкой, и это не давало никакого результата. Ни на первый день... ни на второй... ни на пятый... Лишь на 11—12 день лечения обозначились перемены к лучшему.

Это означает, что в середине апреля 1977 г, т.е. на момент госпитализации, состояние Владимира Ивасюка объективно было очень и очень серьёзно. Если бы не экстренная

госпитализация в ЛОПБ, скорее всего, самоубийство композитора произошло бы уже тогда, за 2 года до фактической смерти. Своевременно оказанная специализированная помощь продлила жизнь Владимира на этот срок.

Что последовало далее? Позитивные тенденции постепенно нарастали, врачам удалось вырвать композитора из лап мучившего его стресса, восстановился сон, вернулись силы, воля к жизни. Владимир опять стал демонстрировать интерес к музыке, принялся играть на фортепиано в больничном клубе – благо, это поощрялось! – сочинил 2 песни. Дело пошло явно на поправку. 2 июня 1977 г в истории болезни появляется запись: «Состояние больного удовлетворительное. Жалоб не предъявляет. Настроение ровное, активен, жизнерадостен. Физически окреп, поправился. Много работает, однако „не испытывает усталости, а только удовольствие“. Отмечает улучшение процессов припоминания. (...) Полностью критичен к своему состоянию. Тяготеет больничной обстановкой. (...) Спит достаточно, сон освежающий.»

Владимир Ивасюк был выписан из больницы 6 июня 1977 г, т.е. его пребывание в стенах специализированного учреждения растянулось на 49 суток! Изрядный срок, насыщенный как физическими страданиями, так и тяжёлыми эмоциональными переживаниями. Можно не сомневаться, что после выписки Владимир постоянно возвращался в мыслях к опыту своего пребывания в ЛОПБ.

Обложки пластинок – гигантов с записями песен Владимира Ивасюка. К середине 1970-х гг композитор добился общенародной любви и фантастического для своего возраста творческого успеха. Казалось, перед ним были открыты все пути, в принципе, он мог бы заниматься чем хотел, например, сосредоточиться на композиторской работе или создать собственную музыкальную группу, или напротив – гастролировать с уже сложившимися коллективами... Но у молодого успешного композитора обнаружился враг, в наличие которого сложнее всего было поверить – его собственное здоровье. Не будет ошибкой сказать, что главным врагом Ивасюка оказался сам же Ивасюк...

Он получил очень редкий жизненный опыт: будучи дипломированным врачом, Владимир имел возможность профессионально изучать нервные и психические заболевания, а став пациентом психбольницы, смог посмотреть на мир глазами обитателя «психушки». Не зря же говорится, есть правда начальника, а есть правда подчиненного... Есть правда доктора, а есть – больного. По мнению автора, этот необычный опыт очень обогатил Владимира Ивасюка и подспудно влиял на логику его поведения в последние 2 года жизни. Совершенно неважно, знали об этом его близкие и друзья или нет, вполне возможно, что сам Владимир никогда никому

не признавался в том, насколько же пребывание в больнице его изменило. Но изменения его личности, безусловно, произошли. Автор нисколько не сомневается в том, что Владимир Ивасюк, будучи человеком талантливым, богато одарённым Природой, чувствовал и понимал происходившее с ним и вокруг него гораздо острее абсолютного большинства людей. И анализируя события 1979 г, нельзя забывать, что опыт специализированного лечения Владимир к тому времени уже получил... В «Приложении 3» к этой книге приводится фотокопия выписного эпикриза Владимира Ивасюка, каждый желающий может самостоятельно с ним ознакомиться без купюр.

Подводя итог истории пребывания Владимира Ивасюка в Львовской психиатрической больнице, имеет смысл высказать несколько соображений с ней связанных. Прежде всего, хочется обратить внимание на длительность госпитализации – более 1,5 месяцев. Одна только эта деталь убедительно ставит крест на домыслах о «покупке медсправки» для восстановления в консерватории. Так справки в Советском Союзе никто не покупал – это делалось намного проще. Советский Союз был весь пронизан коррупционными связями, рука мыла руку, блат решал всё, везде и всегда. Нынешние малолетние обличители «коррупции» даже близко не представляют, что значило жить в обществе всеобщего дефицита, в котором для приобретения благ и услуг непременно требовался «свой» человек – «свой» стоматолог, чтобы лечить зубы, «свой» гинеколог, чтобы сделать аборт, «свой» кассир в кассе «Аэрофлота», чтобы купить билет на самолёт в летний сезон, «свой» продавец в мебельном магазине, а также в «мясном», в «радиотоварах», в «галантерее»... В те времена почти обо всём можно было «договориться» в обход существующих правил и законов. Во всяком случае, о медицинских справках договориться можно было точно! Для человека, известного на всю страну, облаканного властью и не имеющего никаких материальных проблем, незачем было «заезжать в дурку» на 49 дней, чтобы получить заветный «больничный лист»!

Кроме того, если и был у Ивасюка резон покупать медсправку, то уж никак не из психлечебницы. Сам факт лечения в учреждении подобного профиля мог стать серьёзной проблемой при вступлении в ряды Союза композиторов. Ивасюк, будучи человеком неглупым, прекрасно понимал потенциальную опасность для своей будущей карьеры факта пребывания в психиатрической больнице.

То, что за 2 года до гибели Владимир Ивасюк столкнулся с серьёзным расстройством здоровья, спровоцировавшим суицидальные размышления и подавленное настроение, является серьёзным доводом в пользу того, что смерть талантливого композитора в петле явилась следствием добровольного выбора. Депрессии имеют свойство возвращаться и творческие личности обычно демонстрируют стрессоустойчивость куда ниже, чем рядовые обыватели. Сам образ жизни и род занятий творческого человека является следствием его особой ранимости и необычной эмпатии. Равнодушные люди не пишут стихи и не сочиняют музыку! Просто потому, что им это не дано...

«Он шёл в направлении автобусной станции (...)»

Однако, если на этом автор остановит сейчас своё повествование, то поступит необъективно и не вполне честно, поскольку обстоятельства последних дней жизни Владимира Ивасюка рождают определенные вопросы и должны быть, безусловно разобраны. Существуют некоторые странности в рассказах о его последних днях и именно это обстоятельство превратило смерть композитора в городскую легенду и объект манипулирования общественным мнением.

Чтобы понять, что же именно и почему произошло в Брюховичском лесу, надлежит проанализировать чем занимался Владимир Ивасюк в последние дни своей жизни и куда, как и почему он исчез в апреле 1979 г?

Утром 30 мая 1979 г зампрокурора Шевченковского района г. Львова Гнатив провёл допрос Софии Ивановны Ивасюк, матери композитора. Это один из важнейших документов следствия, поскольку София Ивановна, как мы увидим, была хорошо информирована об обстоятельствах жизни сына и её следовало считать одним из важнейших свидетелей. Допрос начался в 10:30, а закончился в 14:00, т.е. продолжался он около 3,5 часов. Это немало, Софии Ивановне было что сказать и её показания заняли 15 листов. Этот текст очень насыщен информационно, воспроизвести который полностью в формате даже документального повествования никак не получится, но остановиться на его важнейших фрагментах совершенно необходимо. Любопытные открытия начинаются прямо с первого листа протокола, приведём его целиком, дабы никто не упрекнул автора в неверном прочтении написанного рукой следователя Гнатива Е. И.

Форма № 22

ПРОТОКОЛ

допиту свідка

з. Ловов (місце роботи) 30 мая 1979 р.

почато в 10 год. 30 хв. Закінчено в 14 год. 00 хв.

слідчий прокуратури Зам. прокурора Шекханковського
 льської області р-на г. Львова (район) Жабув І. Ч.
 (класний чин, прізвище)

вміщені прокуратурі (де) допитав як свідка

вриманням вимог ст. ст. 85, 167, 170 КПК УРСР:

Прізвище, ім'я, по батькові Ивасюк София Ивановна

Рік народження 1922 г.

Місце народження г. Тернопіль Нижня Сирогова р-н

Національність росіянка

Партійність член КПСР з 1942 г.

Освіта внесена

Родинний стан замужня

Рід заняття та місце роботи книшечерка

Місце проживання г. Тернопіль ул. Малишевського 40/1

Судимість не судима

І. В яких стосунках з обвинуваченим і потерпілим мати

відповідності з частиною 4 ст. 167 КПК УРСР Ивасюк
 (прізвище свідка)

внесені обов'язки свідка і ее попереджено про відповідальність за ст. 179
 (його, її) УРСР за відмову або ухилення від дачі показів і за ст. 178 КК УРСР за дачу завідомо неправ-
 х показів.

С.Ивасюк
 (підпис свідка)

воляе в/Д. VIII. 1978 р., зам 7205—20000

Первый лист протокола допроса Софии Ивановны Ивасюк.

Из анкеты можно видеть, что мама композитора вступила в коммунистическую партию в возрасте 20 лет. Случилось это в 1942 г, во время Великой Отечественной войны. То есть, это советский человек до мозга костей, ибо в военное время люди вступали в ВКП (б) не за карьеру.

Время было военное, тяжёлое и страшное даже в тылу. По партийной мобилизации можно было и на фронт внезапно уехать, и на завод, и на стройку народного хозяйства... Особых «плюшек» в ту суровую годину рядовые члены партии не получали, а вот спроса с них было много больше, чем с рядовых обывателей. Так что София Ивановна, уверен, пошла в ВКП (б) не за допайк и не за толстый бутерброд, а за идею, за братство народов, за интернационализм, за победу Советского народа над фашистской Германией – именно за это, а не за что-то иное... Думается, что и воспитание будущему композитору она дала соответствующее.

Это очень интересно, поскольку её муж – Михаил Григорьевич, отец Владимира – был судим советским судом и некоторое время провёл в лагерях. Сейчас некоторыми жителями Украины сие трактуется как свидетельство некоей «оппозиционности» Советской власти всей семьи Ивасюк, дескать, не мог настоящий украинец, сознающий собственную «украинскую идентичность», быть советским человеком. Это, конечно, посыл очень лукавый и даже вздорный. «Ходка» в ГУЛАГ не помешала отцу композитора стать официально признанным писателем, членом творческого союза, и работать преподавателем истории в университете. Да и мама Владимира тоже работала преподавателем до тех самых пор, пока не вышла на пенсию. Если бы у Советской власти имелись претензии к родителям Владимира Ивасюка, то его мама не была бы членом КПСС с более чем 30-летним стажем, а папа не издавал бы свои книги и не читал бы лекции в университете. Когда Советская власть хотела подавить инакомыслие, то поступала просто и без особых затей – изгоняла неугодного из общества. Примерно так, как это было проделано с Бродским, Даниэлем, Солженицыным и многими другими диссидентами...

С Ивасюками, как видим, ничего подобного не случилось. Случилось прямо обратное – люди работали, реализовывали себя, причём делали это показательно успешно. Перед нами достойные члены Советского общества. Можно даже сказать, образцовые!

Дальше становится только интереснее. Читаем самое начало протокола, посвященное юности Владимира: «Ивасюк Владимир родился в г. Кицман (так в протоколе, в современной Украине город называют Кицмань, а в досоветские времена название города записывалось как Косман или Котсман – прим. А.Р.) Черновицкой области, где окончил 10 классов. В августе 1966 года семья переехала в г. Черновцы. Володя после окончания школы работал один год на заводе „Легмаш“ слесарем. В 1967 году Володя поступил учиться в Черновицкий медицинский институт. В г. Кицмане он закончил детскую музыкальную 8-летнюю школу. Вся учёба у него проходила на отлично.»

Очень интересный текст, но не тем, что в нём написано, а тем, что в протокол не попало. А отражения в нём не нашла весьма любопытная история, связанная с исключением Владимира из комсомола во время его обучения в 10 классе. Причиной для столь сурового по тем временам наказания явилась дурацкая выходка группы школьников, в числе которых был и Володя, сбросивших с постаamenta бюста Ленина в городском парке. При падении от бюста откололся нос. Получилось хулиганство, сопряженное с вандализмом. Или, наоборот, вандализм с хулиганством.

Пока тянулось разбирательство, Владимир закончил школу и поступил в медицинский институт. Но к 1 сентября за своё участие в опрокидывании бюста «вождя мирового пролетариата» он оказался исключён из рядов ВЛКСМ, о чём не поставил в известность ректорат. Видимо, надеялся, что о приключившейся с ним неприятности никто в ВУЗе не узнает. Ан нет, узнали! Поэтому 1 сентября его с позором отчислили из института. Ибо советский студент обязательно должен был быть комсомольцем, точнее говоря, у «не комсомольцев» документы в советские ВУЗы попросту не принимали. Если быть совсем точным, то автору известен всего 1 случай (!), когда у выпускника школы, не ставшего членом ВЛКСМ, приёмная комиссия ВУЗа приняла документы и допустила к вступительным экзаменам. Речь идёт о хорошем спортсмене, призёре юниорского чемпионата Ленинграда, о котором ходатайствовали на весьма высоком уровне. Поэтому к экзаменам его допустили, но с категорическим условием его вступления

в ВЛКСМ сразу же после поступления. Так и получилось – в институт он поступил и буквально в сентябре или октябре записался в комсомол. История, кстати, совершенно исключительная для Советской поры...

В Сети можно отыскать фотографию постамент, на котором стоял бюст Ленина, сброшенный Ивасюком с сотоварищами. Самого бюста, понятное дело, давно нет, хотя именно его сохранить как раз имело бы смысл, ибо памятник был с историей. Впрочем, наши «небратья» идут столь самобытным путём декоммунизации, переиначивая историю, выдумывая басни и насаждая мифы, что мы вряд ли поймём когда-либо подлинную логику их поступков.

Возвращаемся к истории жизни Ивасюка. Именно после отчисления из медицинского института Владимир пошёл работать на завод «Легмаш». Думается, одна из причин, почему он стал рабочим – это необходимость добиться восстановления в рядах ВЛКСМ. Считалось, что рабочие коллективы – это кузницы кадров Партии и комсомола. Коммунисты искренне верили в собственные догматы о «пролетариате, как передовом классе» и всячески вовлекали рабочих в политическую работу. Прямо скажем, получалось это у идеологов КПСС не очень хорошо, авторитет Партии в обществе неуклонно падал на протяжении 1960-1980-х гг, что и привело в конечном итоге к её буржуазному перерождению. Тем не менее, следует признать, что партийно-комсомольская карьера выходцев из рабочих коллективов была максимально облегчена (чего нельзя сказать о представителях творческой и технической интеллигенции – последних в Коммунистической партии не очень-то жаловали). Владимир Ивасюк, отработав на «Легмаше» менее года, вновь вступил в ряды ВЛКСМ и повторно поступил в медицинский институт.

Такая вот любопытная история, о которой София Ивановна на допросе в прокуратуре ничего не сказала. Почему? Неужели скрыла от допрашивавшего его следователя? Думается, нет, София Ивановна была человеком старой закваски, повидавшей и войну, и сталинские времена, такая женщина не стала бы в кабинете прокурора наводить тень на плетень. Не сомневаюсь, что она рассказала историю про отколотый у бюста нос и исключение Володи из комсомола со всеми необходимыми деталями, но... сага сия интереса у следователя не вызвала. И даже понятно почему: он посчитал, что события 1966 г никак не связаны со смертью Владимира Ивасюка весной 1979 г.

Почему это важно и почему на всех этих деталях сейчас сделан акцент? Да потому, что подобное поведение следователя ясно указывает на превалирование основной версии расследования, никак не связанной с возможным диссидентством композитора, над всеми осталь-

ными. Следует ясно понимать, что возможная оппозиционность Ивасюка позволяла прокуратуре очень правильно с идеологической точки зрения обыграть версию убийства. Например, в таком ключе: молодой, оппозиционно настроенный композитор разочаровался в местечковом национализме, попытался порвать с диссидентскими идеологами, но те расправились с ним! Логичная версия? Логичная, почему нет! Ведь убивали же украинские националисты представителей коммунистической интеллигенции, того же Ярослава Галана, писателя и публициста, убили же!

С точки зрения коммунистической идеологии обвинить в убийстве Владимира Ивасюка украинских националистов представлялось в высшей степени разумным. Однако, как хорошо видно из протокола допроса матери композитора, следствие в этом направлении вообще не «копало». Почему? Да потому, что к 30 мая 1979 г версия убийства прокуратурой всерьёз уже не рассматривалась.

Далее в протоколе допроса Софии Ивановны следует пересказ основных этапов жизни Владимира Ивасюка – перевод из Черновицкого мединститута во Львовский, творческие успехи, обучение в консерватории, поездка в польский Сопот в составе советской делегации и т. п. Все эти детали в той или иной степени читателю уже известны, кроме того, они с разной степенью полноты описаны различными ресурсами в интернете, так что не станем особо останавливаться на них.

Но всё же одна деталь заслуживает быть упомянутой. София Ивановна сообщает следователю Гнативу: «В 1973 г Володе была предоставлена квартира на ул. Маяковского».

По меркам советской эпохи квартира в областном центре – это серьёзный жизненный успех. Напомним, что Владимиру Ивасюку на тот момент было всего-то 24 года! Очень немногим в Советском Союзе в таком возрасте предоставлялась отдельная жилплощадь. Даже молодые офицеры с семьями, прибывая к месту службы, могли рассчитывать лишь на общежития или «коммуналки». «Коммунальная квартира» вообще считалась нормальным жильём, например, даже ко времени крушения Советского Союза в 1991 г в таких катакомбах проживало 43% жителей Ленинграда. И ничего – никому из Власть предрежащих не приходила в голову мысль необходимости о расселении этого позорища и уничтожения самого понятия «коммунальной квартиры» как унижающей человеческое достоинство.

Булгаков как-то заметил, что квартирный вопрос испортил москвичей, так вот, на самом деле он испортил не только москвичей, но и весь советский народ. А совсем ещё молодой Владимир Ивасюк, как видим, получил от городских властей эту высшую по меркам того времени привилегию – отдельную квартиру вне очереди. Причём, вполне заслуженно – за свой талант, за выдающийся творческий успех...

Разумеется, следователя интересовал вопрос о состоянии композитора после лечения во Львовской областной психиатрической больнице. Ответ матери заслуживает полного цитирования: «Там (т.е. во Львове после лечения – прим. А.Р.) он работал, мы его часто забирали домой. Он мне рассказывал, что ему в больнице легче, т.к. он может спать, а дома у него была бессонница, т.к. он работал по ночам. В сентябре 1977 г я приехала к сыну (из Черновцов во Львов – прим. А.Р.) и жила с ним, чтобы он не был в одиночестве и помогать готовить пищу, постирать, убрать квартиру. (...) Из друзей по учёбе к Володе заходил Саша Левкович, с которым они учились. С другими ребятами из консерватории он не дружил, хотя заходили к нему.»

Сказанное представляется очень важным. Из слов матери можно заключить, что после лечения в ЛОПБ бессонница к Владимиру опять вернулась. Сложно понять, идёт ли речь об эпизодических расстройствах сна или же каких-то системных сбоях, обусловленных погодными факторами, стрессами или чем-то ещё... Странно, что следователь не задал уточняющий вопрос, он прямо просится в этом месте! Тем не менее, сказано вполне достаточно, ясно, что образ жизни Владимира – «работал по ночам», по словам матери – действовал разруша-

юще на его нервную систему, что привело к повторному появлению проблем со сном. Нельзя не отметить и упоминания о Саше Левковиче, единственном друге Владимира. В принципе, дружба людей творческих профессий – явление довольно редкое, даже нетипичное, поскольку в той среде слишком много зависти и злобы. Люди могут в глаза говорить комплименты, пить вместе коньяк и фотографироваться в обнимку, но в душе при этом ненавидеть друг друга искренне и безгранично. Слова матери, а выглядит её оценка психологически достоверной, свидетельствуют об одиночестве Владимира и возможном недостатке психологической поддержки со стороны окружающих.

И вот тут мы плавно переходим к весьма важной теме отношений Владимира с женщинами, ибо для любого гетеросексуального мужчины эта сфера отношений исключительно важна. Вот как София Ивановна высказалась на сей счёт: «Первая любовь у Володи была с заслуженной артисткой УССР Шкуркиной Людмилой, солисткой Днепропетровского драмтеатра. (...) Прошлом лето они провели вместе в г. Черновцы. Всё шло к тому, что они поженятся.»

Людмила Шкуркина (фотография слева). Владимир Ивасюк с Людмилой Шкуркиной в Черновцах летом 1978 г (фотография справа).

Этим серьёзным намерениям ничуть не мешали иные интрижки. А именно: «Во Львове Володя дружил с Жуковой Таней. Эта дружба тянется (в настоящем времени, так в протоколе – прим. А.Р.) около 6 лет с перерывами. Перед его болезнью она оставила его. После его болезни они снова встречались. При мне она никогда не приходила домой к Володе. Когда меня не было, то она приходила и ночевала с Володей. Об этом говорила соседка Казимирская Стефания, которая живёт в 14 квартире. Володя и Жукова не говорили мне, что они хотят пожениться. Иногда звонила Светлана Федорченко – подруга Жуковой. Она интересовалась Володей. Я думаю, что Жукова использовала Свету для связей с Володей. О других девушках я не знаю, с которыми мог дружить Володя.»

Это, так сказать, установочная часть. Теперь ближе к событиям 1979 г: «4 марта 1979 г день рождения Володи мы отметили в семейном кругу в г. Черновцах. 5 марта позвали его девушки в г. Львове и в кругу 7 девушек отметил день рождения у Тани и Светланы дома. Об этом говорил Володя мне и даже принёс половину калача.» Странная немного компания – 7 девушек и 1 мужчина – ну да ладно, почему бы нет, собственно?

Далее допрос плавно переместился к событиям апреля 1979 г. С 18 по 23 число в г. Хмельницкий проходил конкурс молодых эстрадных музыкантов, на котором Ивасюк присутствовал в качестве члена жюри. Согласно показаниям матери, он благополучно возвратился

во Львов. Итак, слово Софии Ивановне: «Володя приехал с конкурса поездом 24 апреля в 8 час. 30 минут, зашёл в квартиру. Он рассказал, что у жюри было много работы. Он побрился, помылся, позавтракал. Без 10 минут 10 часов Володя 24 апреля 1979 года вышел из квартиры. Он взял с собой портфель с нотами и тетрадями и ушёл. Одет он был в джинсовом костюме, рубашку типа кофточка и одел белый плащ. (...) Он сказал, что идёт в консерваторию. Настроение у него было нормальное, бодрое, никакого неудовольствия по поводу конкурса в г. Хмельницке он не высказывал. Говорил, что хорошо выступила (неразборчиво прим. А.Р.) Львовский ансамбль.»

Эта деталь очень важна и вот почему. Среди людей, интересовавшихся обстоятельствами гибели Владимира Ивасюка, укоренилось представление, будто Власть третировала и всячески ущемляла талантливого композитора. Но вот перед нами реальная ситуация – с 18 по 23 апреля в г. Хмельницкий запланирован конкурс молодых музыкантов и Владимир Ивасюк действительно выдвигается в члены жюри. То есть композитор априори признаётся авторитетным и высококлассным музыкантом, чей уровень был заведомо выше среднего уровня рядовых конкурсантов. Какое же здесь унижение?! Наоборот, перед нами проявление всеобщего признания его творческого успеха и компетентности! И слова матери о том, что настроение у сына после возвращения из Хмельницкого «было нормальное», весомо подкрепляют сказанное выше. И сам Владимир отнюдь не чувствовал себя обиженным.

Что было далее? По словам Софии Ивановны события разворачивались следующим образом: «Около часа дня Володя пришёл домой. Я была дома. Я зашла в его комнату. Он, не раздеваясь, взял ноты, а какие – я не видела. Однако я видела, что он положил в портфель ноты. Мне он сказал, что идёт ещё в консерваторию, не раздеваясь. (так в оригинале – прим. А.Р.) Он не спешил. Володя не кушал и я ему не предлагал кушать, т.к. видела, что ему нужно идти. Я спросила у него, будет ли он через час дома? Он ответил, что будет. Дословно он сказал: „Да, буду“. Я не смотрела на дорогу, ушёл ли Володя пешком или уехал на чём-то». Фактически речь идёт о последней встрече матери с сыном. Более София Ивановна живым Владимира не увидит.

Итак, мы знаем, что при нём был портфель, а в портфеле – ноты. Неизвестно какие, но точно известно, что ноты были. Хорошо, а что с деньгами? Вот показания матери на сей счёт: «Утром, когда Володя уходил, то я видела как он брал из портмоне, в каком лежало 30 руб, 10 руб., а остальные 20 руб. остались. Когда Володя ездил в г. Хмельницкий, то брал с собой 50 руб, из которых, как я поняла, 30 руб привёз <обратно – прим. А.Р.>».

Понятно, с деньгами в первом приближении разобрались. Как развивались события далее?

Процитируем показания Софии Ивановны: «Как Володя ушёл около часа дня, так домой не возвратился. У Володи в 18:30 должна была быть вечерняя пара у профессора Сиковича (? – фамилия плохо читается, возможно, написана здесь с ошибкой – прим. А.Р.). Я подумала, что он остался в консерватории. Обычно он приходил с этой пары около 21 часа. В этот день он не пришёл домой и не позвонил. Это меня удивило, т. к. Володя всегда звонил и говорил, где он находится. На следующее утро 25 апреля я подумала, что он переночевал у Тани и пойдёт на занятия. Я подошла к консерватории, встретила у входа Марийку с 4 курса композиторского отделения и спросила за Володю. Она ответила, что 24 апреля она Володю не видела. Там я увидела Мазепу. Он сказал, что не видел его 24 апреля. Я тогда позвонила Гале и предложила <ей> позвонить Жуковой, чтобы она узнала у неё, был ли Володя у неё. Жукова ей ответила, что Володи <у неё> нет и что она сама ожидает его. 23 апреля во второй половине дня Жукова спрашивала, приехал ли Володя? Я ей ответила: „Кому это я должна отчёт давать?“, т.к. она не представилась. Таня больше не звонила. Зато 24 апреля звонила несколько раз Света, спрашивала несколько раз Володю.»

Далее она рассказала, как 26 или 27 апреля – точную дату позабыла – подавала заявление в отделение милиции и к ней на дом являлся сотрудник милиции для опроса. Далее протокол стал несколько «рваным», начались прыжки с темы на темы, обусловленные, видимо, тем, что София Ивановна принялась отвечать на строго конкретные вопросы следователя.

Некоторые уточнения, сделанные ею, довольно любопытны и заслуживают быть упомянутыми. Например, она сообщила, что ей «ничего не известно о том, что Володя не проходил на конкурс» (речь шла не о конкурсе молодых исполнителей в Хмельницком, а другом – республиканского уровня, приуроченному к 60-летию ВЛКСМ, о чём в своём месте ещё будет сказано). Интересно и другое уточнение: «В консерватории Володю готовили в партию». Это к вопросу о мнимом «диссидентстве» и «инакомыслии» Владимира. Никто бы диссидента в КПСС рекомендовать не стал бы!

София Ивановна заметила, кстати, что Володя ездил на межвузовскую конференцию по научному коммунизму в Харьков, где читал собственный реферат. Не надо думать, что это рядовое событие для студента, отнюдь! На такие мероприятия посылали лучших и работы их проходили тщательный отбор. Тот факт, что Владимир стал участником республиканской межвузовской конференции, означает одно – его считали достойным этой чести и никакой оппозиционности Советской власти он нигде никогда не демонстрировал.

Были заданы Софии Ивановне и иные вопросы, но вряд ли их надо здесь обсуждать, поскольку отношение к исчезновению Владимира Ивасюка они имеют весьма-весьма опосредованное. Скажем лишь, что мама композитора категорически отвергла предположение о возможной интимной связи сына с Софией Ротару, подчеркнув, что та замужем, да и кроме того, старше Владимира (последнее, видимо, имело большое значение по её мнению).

Нельзя не коснуться ещё одного весьма деликатного, но исключительно важного вопроса – о материальном благосостоянии композитора. Вот в каких выражениях София Ивановна высказалась на эту тему: «За исполнение произведений Володя имел гонорары. Деньги за произведения ему перечислял УЗАП. Когда он бывал в Киеве, то ему отмечали <поступление гонораров> в сберкнижке. Сберкнижка сейчас у меня. По-моему, у него на сберкнижке есть 10 300 руб. В Львове у него есть также сбережения и сберкнижки выписаны на его имя, одна на 8 тысяч и вторая – на 14 тыс. рублей. Эти книжки находятся у меня дома. (...) Снимал ли со сберкнижек деньги Володя, я не знаю, нужно посмотреть.»

Чтобы более не возвращаться к данному вопросу, сообщим, что в деле есть справка, составленная по результатам ознакомления следствия со сберегательными книжками Владимира Ивасюка. Всего их было 4, на них хранились следующие суммы: 11 478,67 руб; 1 260,80 руб; 14 000,00 руб и 8 000,00 руб. Как видим, Владимир Ивасюк располагал очень значительными по тем временам суммами. Что важно для нас сейчас – **даты последних операций по каждой из книжек в материалах следствия не отражены**. По мнению автора – это серьёзное упущение следствия.

Говоря об употреблении сыном спиртного, София Ивановна подчеркнула, что до болезни, т.е. до весны 1977 г, «Володя употреблял умеренно», из напитков предпочитал «Шампанское». После болезни пить перестал вообще, во всяком случае мать не видела сына пьющим спиртное или в состоянии алкогольного опьянения.

Высказалась София Ивановна и о здоровье сына весной 1979 г.: «За последнее время у Володи было хорошее состояние здоровья. Правда, бывало, что он не спал, когда работал. Я говорила ему меньше работать, чтобы не переутомлялся. Объясняла, что творческий успех к отцу пришёл после 40 лет. (...) Однако он меня не слушался. Иногда он употреблял снотворное, чтобы уснуть, порошок „тазипам“. На болезнь не жаловался.»

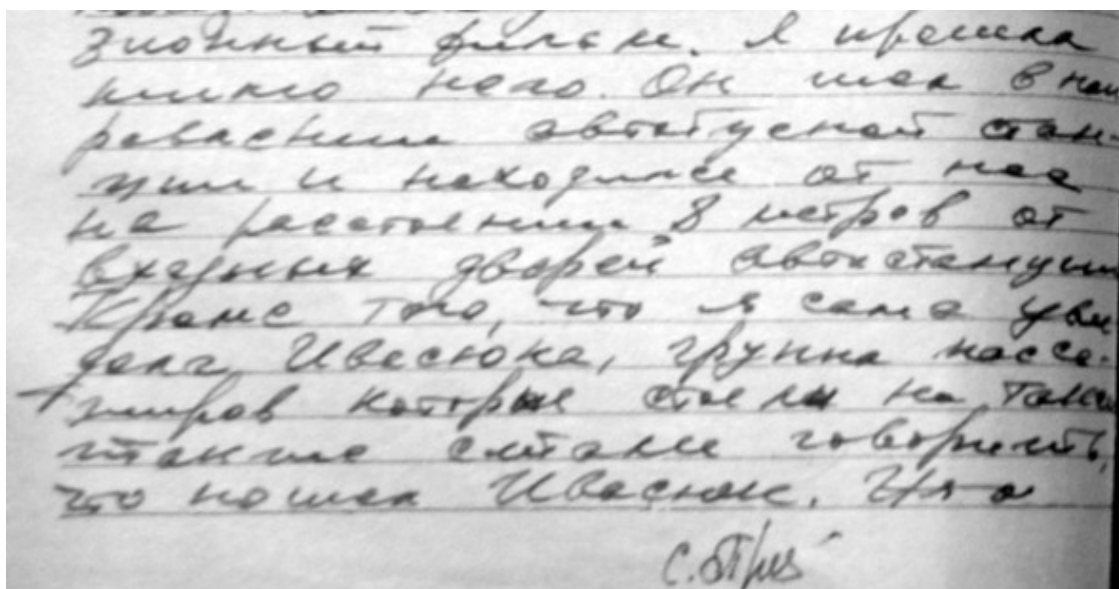
Итак, подведём итог показаниям матери. Владимир ушёл из дома около 13 часов 24 апреля 1979 г и более не возвращался. При себе он имел 10 руб наличными, в руках нёс портфель с нотами. Одет он был, если верить Софии Ивановне, следующим образом: «Кроме

джинсового костюма, белого плаща в елочку с поясом он был одет в белые трусы, носки простые, имел чёрный портфель с одной ручкой с перекидным ремнём на один замок». Плащ, найденный возле трупa, строго говоря, был не белым, а серым, но в данном случае придира́ться к словам не следует – по смыслу речь идёт о светлом плаще, просто следователь буквально записал некорректное выражение свидетельницы. Никакой особой интриги в данном разномнении подозревать не следует, поскольку София Ивановна опознала одежду сына, а значит возле его тела находился тот самый плащ, в котором Владимир уходил из дома.

Напомним, что допрос Софии Ивановны Ивасюк был произведён 30 мая 1979 г. А несколько ранее имел место другой важный допрос, которому надлежит уделить внимание. Хронология событий умышленно нарушена автором и сейчас станет ясно почему.

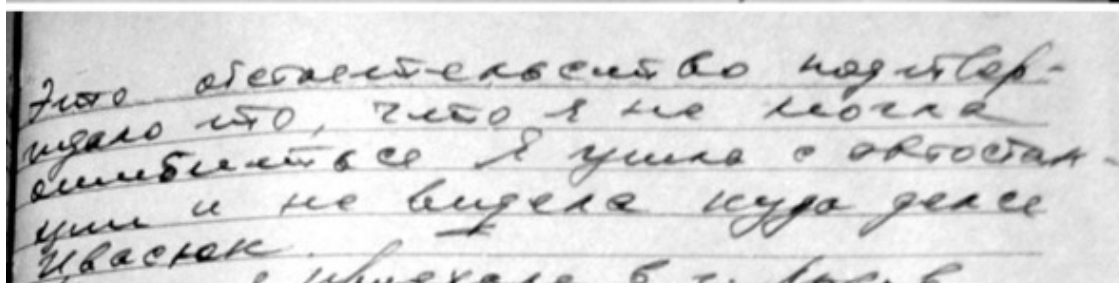
Итак, 21 мая 1979 г зампрокурора Шевченковского района г. Львова Гнатив Е. И. допросил Светлану Анатольевну Прымачок, студентку 4 курса фармацевтического факультета Львовского мединститута. Светлана попала в поле зрения правоохранительных органов ещё в первой декаде мая, в те дни, когда Ивасюк разыскивался органами внутренних дел.

Протицируем показания Светланы Прымачок, которая рассказывает о том, как отправилась к родителям на Первомай в город Ровно, а 3 мая пришла на автовокзал, чтобы купить билеты на автобус обратно до Львова: "(...) я ушла на автостанцию купить билет на г. Львов. Время было около 13 часов. Так как билетов не было на Львов на 18 часов, то вышла из автостанции. Я увидела, что в моём направлении идёт композитор Ивасюк Владимир. Я его видела неоднократно по телевидению в г. Львове. Про него показывали даже телевизионный фильм. Я прошла мимо него. Он шёл в направлении автобусной станции и находился от нас на расстоянии 8 метров от входных дверей автостанции (так в оригинале – прим. А.Р.). Кроме того, что я сама увидела Ивасюка, группа пассажиров, которые стояли на (неразборчиво – прим. А.Р.) стали говорить, что пошёл Ивасюк. Это обстоятельство подтверждало то, что я не могла ошибиться. Я ушла с автостанции и не видела куда делся Ивасюк.»

Знаю этот фильм. Я пришла
лишь тогда. Он шел в на-
правлении автобусной стан-
ции и находился от нас
на расстоянии 8 метров от
входных дверей автостанции.
Кроме того, что я сама уви-
дела Ивасюка, группа пасса-
жиров которые стояли на та-
ком-то месте говорили,
что пошел Ивасюк. Это

С.Пры

Это обстоятельство подтвер-
ждало то, что я не могла
ошибиться. Я ушла с автостан-
ции и не видела куда делся
Ивасюк.

Я пришла в г. Львов.

Фрагменты протокола допроса Прымачок С. А. от 21 мая 1979 г: " Он шёл в направлении автобусной станции (...)"»

Происходило всё это в городе Ровно, удаленном от Львова на 210 км. В тот момент Светлана ещё не знала, что Ивасюк находится в розыске. Приехав на следующий день во Львов – ибо Первомай закончился и следовало возвращаться к учёбе – Светлана простодушно рассказала знакомым о том, что повстречала в Ровно местную знаменитость – Владимира Ивасюка. Эта деталь, кстати, прекрасно иллюстрирует ту всеобщую любовь, что был окружен композитор, и всеобщий интерес, который он к себе возбуждал. Можно даже представить себе, как всё это происходило, как Светлана восторженно рассказывала подругам: «Представляете, девочки, стою я у дверей автовокзала, а мне навстречу Владимир Ивасюк идёт! Красивый такой, костюм джинсовый, портфель в руке! Я прям обомлела, девочки!»

Рассказ Светланы, однако, вызвал совсем не ту реакцию, на которую она рассчитывала. Дело в том, что Ивасюка уже вовсю искали во Львове и в мединститут наведывались милицеские оперативники. А может быть, кстати, и оперативники КГБ, прикрывавшиеся удостоверениями сотрудников МВД – это совершенно нормальная практика для Комитета того времени¹. Знакомые Светланы, услышав её рассказ о случайной встрече с Ивасюком в Ровно, тут же сообщили об этом сотрудникам милиции, которые, как оказалось, находились совсем неподалёку. В общем, Светлану моментально взяли в работу и известную ей информацию надлежащим образом задокументировали. Так её рассказ уже в начале мая попал в розыскное дело. Потому для следователя Гнатива эти сведения к 21 мая тайной уже не являлись.

Могла ли Светлана ошибаться? Могла ли она принять за Ивасюка кого-то очень похожего на композитора внешне? Разумеется, могла, похожих людей много, а время от времени имеют место случаи поразительного сходства. Следователь Гнатив, разумеется, уточнил, на чём же именно основывается уверенность Светланы в том, что на автовокзале в Ровно она увидела именно Ивасюка. Ответ имеет смысл процитировать максимально полно: «Когда я видела Ивасюка 3 мая, то он был одет в костюм тёмного цвета и светлую рубашку, без галстука. Этот день был тёплым и можно было идти без плаща. На причёску я не обратила внимания, т.к. был ветер и раскидывал волосы. В руках, в правой руке, он нёс портфель тёмно-коричневый с одной ручкой, который, по-моему, закрывался перекидным ремнём на один замок. Портфель не был тяжёлым и выглядел, что как будто он пустой (так в оригинале – прим. А.Р.)»

Интересно, да? Внимательно перечитаем показания Прымачок. «Костюм тёмного цвета» вполне может быть тёмно-синим джинсовым костюмом... про плащ ничего не сказано, поскольку было тепло и плащ можно было спрятать в портфель... А каким, кстати, был портфель? «тёмно-коричневый с одной ручкой, который, по-моему, закрывался перекидным ремнём на один замок» – так в показаниях Прымачок описан портфель встреченного ею мужчины, похожего на Ивасюка. А вот как описан портфель, с которым Ивасюк ушёл из дома, в показаниях матери: «чёрный портфель с одной ручкой с перекидным ремнём на один замок». Описания практически одинаковы! Имеется небольшое разночтение в цвете портфеля – «тёмно-коричневый» или «чёрный» – но суждения на сей счёт являются во многом субъективными и могут быть объяснены, скажем, различными условиями освещенности. Или дальтонизмом свидетеля (есть разновидность дальтонизма, не позволяющая различать зелёный и коричне-

¹ Тут самое время уточнить, что сотрудники самого тихого ведомства Советского Союза свои документы вообще не «светили» перед обывателями, существовали жёсткие ограничения на то, кому и при каких обстоятельствах сотрудник КГБ может раскрыть свою принадлежность к Комитету. 99% советских людей не имели даже приблизительного понятия о том, как выглядят удостоверения сотрудников КГБ, сколько символов должно быть в их номерах и какие специальные отметки там проставляются. Для оперативного прикрытия сотрудники Комитета очень часто использовали документы МВД – они оформлялись особым порядком на подлинных бланках, с использованием подлинных печатей и всей необходимой атрибуцией. Сотрудники отделов кадров МВД знали, что определенные №№ удостоверений закреплены за Комитетом, но информацией об их персональной принадлежности, разумеется, не владели, поскольку документы прикрытия всегда оформлялись внутри Комитета.

вые цвета). Существуют объективные и субъективные особенности запоминания и припоминания... В общем, различия в оценке цвета в данном случае не являются непримиримо противоречивыми.

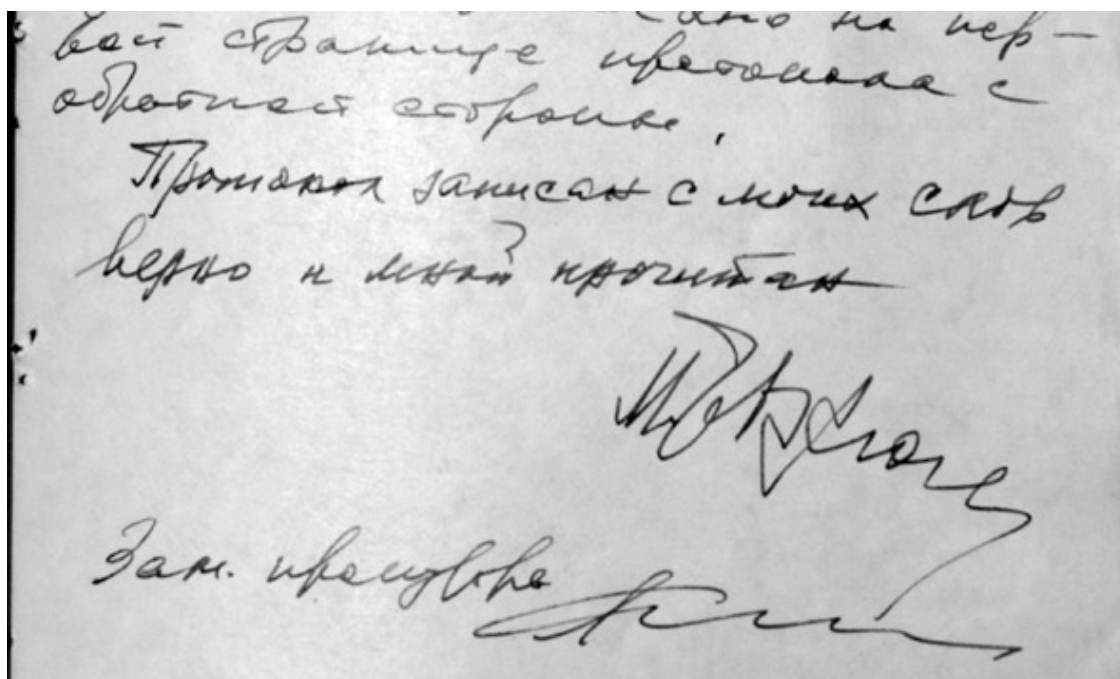
Похоже ли на то, что Светлана Прымачок видела именно Владимира Ивасюка? Да, очень даже! Но если это действительно было так, значит, Владимир Ивасюк, пропавший 24 апреля 1979 г во Львове, оставался жив ещё более недели и, каким-то образом преодолев более 200 км, 3 мая оказался на автовокзале в Ровно.

«...Обратилась в Управление КГБ и попросила подтвердить причины смерти сына.»

Допрос отца умершего композитора – Михаила Григорьевича Ивасюка – состоялся 31 мая 1979 г и оказался он намного короче допроса матери. Продлился допрос с 11:30 до 13 часов и причину подобной краткости понять несложно – Михаил Григорьевич проживал в Черновцах, областном центре в двухстах километрах от Льва, виделся с сыном довольно редко, а потому о событиях последних дней его жизни мог знать в основном с чужих слов (что до некоторой степени снижало его ценность как свидетеля).

Родившийся в 1917 г Михаил Григорьевич на момент описываемых событий являлся доцентом Черновицкого университета и членом Союза писателей СССР. Интересно, что отвечая на вопрос следователя Гнатива о наличии судимости, Михаил Григорьевич ответил «не судимый». Это означает, что его высылка из Украины в конце Великой Отечественной войны осуществлялась либо внесудебным порядком, либо вообще выдумана уже после распада Союза, когда стало модно сетовать на всяческие притеснения со стороны Советской власти. Нам детали эти сейчас не очень интересны, важно лишь отметить, что из анкетных данных Михаила Григорьевича можно заключить – человеком он был уважаемым, образованным, вполне советским по своим воззрениям и поведению. Ибо иных в Союзе писателей СССР не терпели и к педагогической работе в университетах не допускали. Если уж мы заговорили сейчас о личности Михаила Григорьевича, то нельзя не сказать нескольких слов о его почерке. В конце протокола допроса имеется собственноручная приписка допрошенного: «Протокол записан с моих слов верно и мной прочитан. М. Ивасюк».

Почерк интересный – выработанный, с малым разгоном и большой связностью. Очень любопытен провал края подписи вниз. Люди с почерком, подобным этому, склонны к порядку, систематичности в делах, часто демонстрируют элементы поведения «правого человека» – они всегда знают, что хорошо, а что плохо, прямолинейны и неуступчивы. Их даже можно назвать догматичными. Провал вниз последнего слова строки часто присутствует в почерках людей пессимистичных, недоверчивых и склонных к мизантропии. Разумеется, определение черт личности по почерку является процессом во многом субъективным и не претендует на абсолютную точность, но здоровое зерно в такого рода оценках есть, поскольку они основываются на статистических исследованиях и жизненном опыте.

На последнем листе протокола М.Г.Ивасюк оставил расписку, подтверждавшую соответствие сказанному записанного следователем текста: «Протокол записан с моих слов верно и мной прочитан. М. Ивасюк».

А жизненный опыт нас учит, что между мелкой моторикой пишущей руки и работой мозга существует несомненная корреляция, поэтому-то почерка разных людей различны. Если считать, что перед нами образец свободного почерка, то автор охарактеризовал бы написавшего так: этот человек много пишет, он методичен, настойчив, за словом в карман не лезет, мнения своего не скрывает и даже склонен его навязывать, знает цену людям, недоверчив, не лишен изящества манер.

Вот таким человеком показался автору Михаил Григорьевич Ивасюк. Итак, перейдём теперь к содержательной части его показаний следствию. Что мы можем почерпнуть из протокола допроса Михаила Григорьевича?

Прежде всего, заслуживает внимания начало протокола: «Последний раз я видел и разговаривал со своим сыном 4 марта 1979 года. У меня дома Володя отмечал свой день рождения. (...) Я с сыном всегда при встречах имел личные беседы. Он рассказывал о своих творческих планах. (...) На дне рождения сын рассказывал, что он в этом году закончит 4 курс и останется [только – прим. А.Р.] написать дипломную работу. Он говорил, что после окончания консерватории он женится. На дне рождения была его любимая девушка Шкуркина Людмила Александровна. Она работает в Днепропетровском русском театре драмы.»

Как видим, ни о каких свидетельствах травли, преследования или недопонимания со стороны представителей власти в отношении композитора Ивасюка речь не идёт. Сын отнюдь не подавлен окружающей его обстановкой, не жалуется отцу на непонимание, недостаточное внимание к себе, отсутствие денег, сил или нехватку чего-либо в принципе. Нет, в его жизни всё хорошо! В начале марта настроение Владимира лучезарно, у него большие и в целом приятные планы – успеть сдать два курса консерватории за один, защитить диплом, далее – жениться на любимой женщине. Жизнь по большому счёту удалась – он всеми любим, известен, у него есть всё и дальше будет только лучше!

Далее последовал вопрос следователя про отношения сына с Татьяной Жуковой. Михаил Григорьевич высказался более чем определённо: «Про Жукову Таню размова у нас была с Володей. У нас в семье сложилось плохое мнение о Тане, т.к. она вела себя плохо, часто

заходила к сыну, мешала ему в работе. В основном она приходила к Володе ночью, кричала под балконами. Когда Володя не хотел открывать, то она звонила в дверь, поднимала шум, мешала соседям, об этом даже рассказывают и соседи.»

Слева: Родители композитора Ивасюка – София Ивановна и Михаил Григорьевич. Справа: родители на могиле сына.

Характеристика, скажем прямо, нелицеприятная. Прямо так и представляешь энергичную девушку, вопящую в ночи под балконом...

Вполне ожидаемо был задан отцу и вопрос о состоянии здоровья Владимира. Михаил Григорьевич ответил следующим образом: «О состоянии здоровья я выяснял у сына и он говорил, что всё [у него] хорошо. Сын был склонен к полноте, поэтому он не старался много есть. Никаких мыслей по поводу лишения себя жизни сын не высказывал мне. Я разговаривал с врачами, которые его лечили и они мне объясняли, что ничего плохого у него нет, что [ему] нужен режим и отдых и что болезнь у него – бессонница – появилась в результате его переутомления. Володя даже в больнице писал песни. Врачи мне говорили, что у Володи диагноз „невроз“. Я не знаю, употреблял ли сын за последнее время порошки – лечение от заболевания нервной системы.»

Рассказ отца довольно косноязычен, но вполне может быть, что перед нами вовсе не свойство речи самого Михаила Григорьевича, а свидетельство неразвитой письменной речи следователя. Гражданин заместитель районного прокурора Гнатив грешил пропуском слов и явно злоупотреблял на письме глаголом «был»².

А вот после обсуждения здоровья Владимира Ивасюка допрос сделал довольно неожиданный зигзаг. Отец погибшего композитора сделал предположение о причине его смерти и версия, им озвученная, выглядела довольно странно. Прочитируем: «Я считаю, что мой сын попал в руки львовских уголовников, которые могли требовать за него выкуп, однако, увидели, что у них ничего не выходит, решили убить его и повесить. К этому, я считаю, причастны Жукова и Федорченко [подруга Жуковой – прим. А.Р.], которые были связаны за последнее время с целым рядом фактов, относящихся к сыну. В частности, разбитая бутылка с вином „шампанским“, оторванные пуговицы от куртки, о чём поясняла моя жена, телефонные звонки Жуковой и Федорченко как 23, так и 24 апреля 1979 года, то есть в момент его исчезновения.

² В этом месте автору невольно приходит на ум любопытный пассаж преподавательницы марксизма-ленинизма в родном Военмехе, раздраженно заявившей на одном из семинаров студенту из Харькова: «В Ленинграде не говорят «чё?» и не употребляют глагол «был!»

Во время исчезновения Володи Жукова и Федорченко не оказывали никакой помощи родителям в розыске, даже не интересовались, что случилось и где Володя. Она не интересуется по сегодняшний день.»

Это, конечно же, очень странный пассаж как по содержанию, так и по форме. Прежде всего, он внутренне нелогичен. Непонятно, у кого должны были требовать выкуп похитители: у родителей? у любимых женщин композитора? у консерватории? у горсовета? Но к родителям никто не обращался с требованием денег, ко всем прочим лицам и инстанциям – тоже. Может быть, злобные преступники планировали потребовать деньги у самого Владимира Ивасюка? Но в таком случае его должны были пытаться, оставив на теле соответствующие повреждения, а кроме того, его нельзя было убивать до получения денег! Но никаких телесных повреждений, появление которых можно было бы объяснить физическим насилием, на теле не имелось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.